

Мария Степуровых ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Мария Петровых

•

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

СТИХИ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1983

В книгу вошло лучшее из написанного Марией Петровых (1908—1979) за многие годы поэтической работы. Лирика М. Петровых, исполненная драматизма, раскрывает характер сильный и певчий. Читателя привлечет в этих стихах искренность чувства, высокое мастерство талантливой поэтессы.

Составители

Н. Н. Глен и А. В. Головачева

Художник

ЕЛЕНА БАЛАШЕВА

ТАЙНА МАРИИ ПЕТРОВЫХ

Марию Петровых я увидел впервые в 1925 году.

Учредителем и главой первого в Москве Литературного института был В. Я. Брюсов. После кончины поэта институт его имени прекратил свое существование. Возникло новое учебное заведение — «Литературные курсы с правами высших учебных заведений» при Всероссийском союзе поэтов. Мария Петровых и я были приняты на первый курс и вошли в один из дружеских кружков юных поэтов. Наша дружба длилась вплоть до ее кончины в 1979 году. В этом кружке Мария Петровых по праву оказалась первой из первых. Известны вокалисты, у которых врожденный хорошо поставленный голос. Такой хорошо поставленный поэтический голос был у Марии Петровых.

В книге, которая сейчас перед вами, есть раздел «Из ранних стихов». Я уверен, что этот раздел можно было бы начать стихами не 1927-го, а 1925 года. А может быть, написанными еще ранее.

Поэзия Марии Петровых развивалась год от года, крепла, набирала силу, углублялась. Перед нею открывались новые горизонты. Но в своем постепенном, неуклонном развитии она не отступала далеко от проторенной еще в ранней юности дороги.

Мария Петровых любила жизнь, хотя и не глядявалась в

нее сквозь розовые очки. Даже влюбленность для нее оборачивалась скорее источником горя, чем счастья:

*...В ту ночь подошло, чтоб ударить меня,
Суровое бронзоволикое счастье.*

Мария Петровых искала и находила исцеление в природе:

*...Увечья не излечит мгновение покоя,
Но как тепло на солнце и как легко в тени...*

Ее душа подлинного поэта, вооруженная сильным дарованием и, казалось, столь беззащитная, вела сама с собой бесконечный спор. Последнее слово в этом споре принадлежало поэзии.

При жизни Марии Петровых была издана только одна ее книга: далеко не полный свод оригинальных произведений и переводов с армянского. Издан был сборник «Дальнее дерево» без ее участия, в Армении, усилиями ее ереванских друзей. Вот почему поэта такого большого таланта мало знают читатели. Может быть, в этом виновата и скромность Марии Петровых? Замкнутость ее души, не умеющей распахнуться перед посторонними? Мне кажется, она знала себе цену — втайне: ее стихами восхищались такие поэты, как Пастернак, Мандельштам, Антокольский. Ахматова утверждала: одно из лучших русских лирических стихотворений («Назначь мне свиданье на этом свете») написано Марией Петровых. Не предъявляла ли к себе Мария Петровых непопулярных требований? Нет, она справилась бы с труднейшей задачей.

Тайна ее поэзии не в этом.

Мария Петровых в ранней юности, никому не подражая, заговорила вполне «взрослыми» стихами. Глубина замысла и способность к особому словосочетанию делают ее стихи ярким явлением в нашей поэзии. Слова в стихах Марии Петровых светятся, загораясь одно от другого, соседнего. Тайна поэзии Марии Петровых — тайна сильной мысли и обогащенного слова:

*За окном шумит листва густая —
И благоуханна и легка,—
Трепеща, темнея и блистая
От прикосновенья ветерка...*

Приглядитесь — здесь чудо! Слова из обычного литературного лексикона приобретают новую напряженность, новое значение. Они наэлектризованы. Да еще найдена и новая реалья: листва под ветром и впрямь темнеет и блистает. Здесь главенствующее — не «распространенная метафора», а каждое слово само по себе метафорично. Рисунок стихотворения полон света и свежести. Когда вы дойдете до четвертого стиха сонета «Судьба за мной присматривала в оба...», ваше сердце пронизжет чужая боль. Русская литература всегда несла на своих плечах груз «всемирной отзывчивости». Мария Петровых знает свои способы претворения языка и умеет проникать в сердце читателя.

Тайна Марии Петровых в том, что она поистине большой русский поэт.

В ранних стихах Марии Петровых читатель обнаружит черты экспрессивного стиля:

*...Даль недолетна. Лишь слышно: от холода
Звезд голубые хрящи хрустят...*

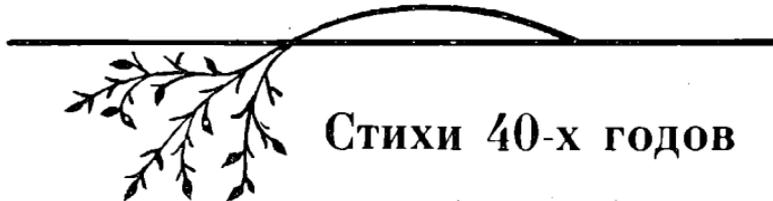
Впоследствии эти черты сгладятся. Повзрослев, Мария Петровых доверчивей отнесется к родному языку, к его сложной простоте, к идее стихотворения, к возможности словесного воплощения замысла. Тогда чувство свободного, вдохновенного полета передастся и нам, читателям.

Тема Великой Отечественной войны нашла выражение и в поэзии Марии Петровых. Эти стихи исполнены силы, мужества и любви к родной земле. Глубокая, искренняя благодарность бьется в сердце автора к маленькому камскому городу Чистополю, где Марии Петровых довелось жить в эвакуации. Тема России играет в ее поэзии чрезвычайно важную роль.

Многое осталось за пределами этого краткого предисловия.

Можно было бы поведать читателю, что Мария Петровых родом из Ярославля — древнего города, и тему истории России обнаружить в ее поэзии нетрудно. Она исчерпывающе знала и понимала творчество Пушкина. Она из числа лучших переводчиков армянской поэзии. Вокруг себя Мария Петровых объединила преданных ей учеников, бережно и внимательно воспитанных ею. Преданность искусству поэзии — подвиг. Пусть же ее подвиг навсегда останется примером для всех нас, пишущих стихи.

Арсений Тарковский

Стихи 40-х годов

* * *

Год, в разлуке прожитый,
Близится к весне.
Что же ты, ах, что же ты
Не придешь ко мне!

Мне от боли старящей
Тесно и темно,
В злой беде товарища
Покидать грешно.

Приходи, не думая,
Просто приходи.
Что ж тоску угрюмую
Пестовать в груди!

Все обиды кровные
Замела пурга.
Видишь — поле ровное,
Белые снега.

* * *

Мы смыслом юности влекомы
В простор падземной высоты —
С любой зарницею знакомы,
Со всеми звездами на «ты».

Земля нам кажется химерой
И родиною — небеса.
Доходит к сердцу полной мерей
Их запредельная краса.

Но на сердце ложится время,
И каждый к тридцати годам
Не скажет ли: я это бремя
За бесконечность не отдам.

Мы узнаем как бы впервые
Леса, и реки, и поля,
Сквозь переливы луговые
Нам улыбается земля.

Она влечет неодолимо,
И с каждым годом все сильней.
Как женщина неуголима
В жестокой нежности своей.

И в пей мы любим что попало,
Забыв падземную страну, —
На море грохотанье шквала,
Лесов дремучих тишину,

Равно и грозы и морозы,
Равно и розы и шипы,
Весь шум разгоряченной прозы,
Разноголосый гул толпы.

Мы любим лето, осень, зиму,
Еще томительней — весну,
Затем, что с ней невыносимо
Земля влечет к себе, ко сну.

Она отяжеляет палежь
Опавших на сердце годов,
И уснокоится тогда лишь
От обольщающих трудов,

Когда в себя возьмет всецело.
Пусть мертвыми — ей все равно.
Пускай не душу, только тело...
(Зачем душа, когда темно!)

И вот с единственной, с нею,
С землей, и только с ней вдвоём
Срастаться будем все теснее,
Пока травой не изойдем.

* * *

Ты думаешь, что силою созвучий
Как прежде жизнь моя напряжена.
Не думай так, не мучай так, не мучай,—
Их нет во мне, я как в гробу одна.

Ты думаешь — в безвестности дремучей
Я заблужусь, отчаянья полна.
Не думай так, не мучай так, не мучай,—
Звезда твоя, она и мне видна.

Ты думаешь — пустой, ничтожный случай
Соединяет наши имена.
Не думай так, не мучай так, не мучай,—
Я — кровь твоя, и я тебе нужна.

Ты думаешь о горькой, немилучей,
Глухой судьбе, что мне предрешена.
Не думай так: мятется прах летучий,
Но глубь небес таинственно ясна.

* * *

Не взыщи, мои признанья грубы,
Ведь они под стать моей судьбе.
У меня пересыхают губы
От одной лишь мысли о тебе.

Воздаю тебе посильной данью —
Жизнью, воплощенной в мольбе,
У меня заходится дыханье
От одной лишь мысли о тебе.

Не беда, что сад мой смяли грозы,
Что живу — сама с собой в борьбе,
Но глаза мне застилают слезы
От одной лишь мысли о тебе.

* * *

Люби меня. Я тьма кромешная.
Слепая, путаная, грешная.
Но ведь кому, как не тебе,
Любить меня? Судьба к судьбе.
Гляди, как в темном небе звезды
Вдруг проступают. Так же просто
Люби меня, люби меня,
Как любит ночь сиянье дня.
Тебе и выбора-то нет:
Ведь я лишь тьма, а ты лишь свет.

* * *

Говорят, от судьбы не уйдешь.
Ты над этим смеешься? Ну что ж,
Покажи мне, любимый, звезду,
По которой тебя не пайду,
Покажи мне, любимый, пути,
На которых тебя не найти,
Покажи мне, любимый, коня,
Которым объедешь меня.

* * *

Я думала, что ненависть — огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками...
Но ненависть — пустыня. В душей, в пей
Иду, иду, и ни конца, ни краю,
Ни ветра, ни воды, но столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду, и, может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая...

* * *

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь.
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

Сбрось пламенное покрывало
И платье паскоро падень
И уходи куда попало
В разгорячающийся день.

Тобой овладевает солнце.
Его неодолимый жар
В зрачках блеснет на самом дощце,
На сердце ляжет, как загар.

Когда в твоём сольется теле
Владычество его лучей,
Скажи по правде — неужели
Тебя ласкали горячей?

Поди к реке и кипься в воду
И, если можешь, — поплыви.
Какую всколыхнешь свободу,
Какой доверишься любви!

Про горе вспомнишь ты едва ли,
И ты не назовешь — когда
Тебя нежнее целовали
И сластнее, чем вода.

Ты вновь желанна и прекрасна,
И ты опомнишься не вдруг
От этих ласково и властно
Струящихся по телу рук.

А воздух? Он с тобой до гроба,
Суровый или голубой,
Вы счастливы на зависть оба, —
Ты дышишь им, а он тобой.

И дождь придет к тебе по крыше,
Все то же вразбойной долбя.
Он сердцем всех прямей и выше,
Всю ночь он плачет про тебя.

Ты видишь — сил влюбленных много.
Ты их своими пазови.
Неправда, ты не одинока
В твоей отвергнутой любви.

Не плачь, не жалуйся, не падо,
Слезами горю не помочь,
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

* * *

Глубокий, будто темно-золотой,
Похожий тоном на твои глаза,
Божественною жизнью налитой,
Прозрачный, точно детская слеза,
Огромный, как заоблаченный гром,
Непогрешимо-ровный, как прибой,
Не запечатлеваемый пером —
Звук сердца, ставшего моей судьбой.

* * *

Ветер вост, ветер свищет —
Это ничего.
Поброди на пепелище
Сердца моего.

Ты любил под лунным светом
Побродить порой.
Ты педаром был поэтом,
Бедный мой герой.

Я глазам не верю — ты ли,
Погруженный в сон,
Преклонившийся к Далиле
Гибнущий Самсон.

То ль к Далиле, то ль к могиле,
Только не ко мне,
Не к моей невольной силе,
Выросшей в огне,

Взявшей на пепелище
Сердца моего,
Там, где только ветер свищет,
Больше ничего.

* * *

Когда на небо снес
Глаза поднять певмочь,
Тебе в ответ, уныние,
Возникнет слово: дочь.

О, чудо светлолицее,
И нежен и высок,—
С какой сравнится птицею
Твой легкий голосок!

Клянусь — необозримое
Блаженство впереди,
Когда ты спишь, любимая,
Прильнув к моей груди.

Тебя держать, бесценная,
Так сладостно рукам.
Не комната — вселенная,
Иду — по облакам.

И сердце непомерное
Кольшется во мне,
И мир, со всею скверною,
Остался где-то, вне.

Мной ничего не сказано,
Я не сумела жить,
Но ты вдвойне обязана,
И ты должна свершить.

Быть может, мне зарпее,
От самых первых дней,
Дано одно призвание —
Стать матерью твоей.

В тиши блаженства нашего
Клянусь себя: не сглазь!
Мне счастье сгинуть заживо
И знать, что ты сбылась.

[1940]

* * *

Проснемся, уснем ли — война, война.
Ночью ли, днем ли — война, война.
Сжимает нам горло, лишает сна,
Путает имена.

О чем ни подумай — война, война.
Наш спутник угрюмый — она одна.
Чем дальше от битвы, тем сердцу тесней,
Тем горше с ней.

Восходы, закаты — все ты одна.
Какая тоска ты — война, война!
Мы знаем, что с нами
Рассветное знамя,
Но ты, ты, проклятье, — темным-темпа.
Где павшие братья, — война, война!
В безвестных могилах...
Мы взыщем за милых,
Но крови святой неоплатна цена.

Как солнце багрово! Все ты, одна.
Какое ты слово: война, война...

Как будто на слове
Ни пятнышка крови,
А свет все багровей во тьме окна.
Тебе говорит моя страна:
Мне трудно дышать,— говорит она,—
Но я распрямлюсь, и на все времена
Тебя истреблю, война!

[1942]

АПРЕЛЬ 1942 ГОДА

Свирепая была зима,
Полгода лютовал мороз.
Наш городок сходил с ума,
По грудь сугробами зарос.
Казалось, будет он сметен —
Здесь ветры с четырех сторон,
Сквозь город им привольно дуть,
Сшибаясь грудь о грудь.
Они продрогший городок
Давно бы сдули с ног,
Но разбивалась в прах пурга
О тяжкие снега.

И вот апрель в календаре,
Земля в прозрачном серебре,
Хрустящем на заре.
И солнце светит горячей,
И за ручьем бежит ручей.
Скворцы звенят наперебой,
И млеет воздух голубой.
И если б только не война,
Теперь была б весна.

* * *

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу!
Больше мне не надо ничего.

Ночью здесь такая тишина!
Звезды опускаются на крышу,
Но, как все, я здесь оглушена
Грохотом, которого не слышу.

Неужели ото всех смертей
Откупились мы любовью к детям?
Неужели родине своей
За себя достойно не ответим?

Это вздор! Не время клевете
И не место ложному смиренью,
Но за что же мы уже не те?
Кто мы в этом диком измеренье?..

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу!
Больше мне не надо ничего.

[1942]

СЕВАСТОПОЛЬ

Бело-синий город Севастополь,
Белокрылый город в сипеве...
Моря ослепительная опылъ
В скверах оседала на траве.

Город с морем сомкнуты в содружье,
Синей соли съедены пуды.
Дымной славой русского оружия,
Пушечным дымком несло с воды.

Белый камень в голубой оправе,
Ты у недруга в кольце тугом.
Город русской доблести, ты вправе
Горевать о времени другом.

Шрам широкий над крутою бровью
Ты через столетие пронес,
А теперь лежишь, залитый кровью,
И морских не осушаешь слез.

Слезы эти — зарева кровавей —
Отольются гибелью врагу...
Белый пепел в голубой оправе
На осиротевшем берегу!

Тяжко, Севастополь, о как тяжело!
Где ж прославленная на века
Белая матросская рубашка,
Праздничная сись воротника!

Плачь о тех, что смертной мглой объяты,
Чьи могилы волнами кругом...
Ты еще начнешься, по себя ты
Не узнаешь в облике другом.

[1942]

НОЧЬ НА 6 АВГУСТА

В каком пенстовом молчаньи
Ты замерла, притихла, почь!..
Тебя ни днями, ни почами
Не отдалить, не превозмочь.

Взволнованною тишиною
Объята из конца в конец,
Ты внемлешь надо всей страную
Бпенью всех ее сердец.

О как же им была близка ты,
Когда по небу и земле
Промчались первые раскаты
О Белгороде и Орле.

Все вдохновенней, все победней
Вставали громы в полный рост,
Пока двенадцатый, последний,
Не оказался светом звезд.

И чудилось, что слезы хлынут
Из самой трудной глубины,—
Они хоть на мгновение вынут
Из сердца злую боль войны!

Но время это не настало,
Лишь близко-близко подошло.
Ты не впустую, ночь, блистала,—
Нам от тебя и днем светло.

В нас тайный луч незатемнимый
Уже до дрожи напряжен.
Ты стала самою любимой,
Не подберешь тебе имен.

[1943]

ОСЕННИЕ ЛЕСА

1

Боже, как светло одеты,
В разном — в красном, в золотом!
На лесах сказалось лето
В пламени пережитом.

Солнце душу в них вложило —
Летней радуги красу.
Семицветное светило
Рдеет листьями в лесу.

Отрешившийся от зноя,
Воздух сразу стал чужим.
Отстрапивший все земное,
Он высок и недвижим.

А в лесах — за дивом диво.
Им не падо никого,
Как молитва, молчаливо
Легких листьев торжество.

Что́ красе их вдохновенной
Близкий смертный снежный мрак...
До чего самозабвенны,
Как бесстрашны — мне бы так!

Грустила я за свежими бревенчатыми стенами,
 Бродила опустевшими лесами несравненными,
 И светлыми дубравами, и сумрачными чащами,
 От пурпура — суровыми, от золота — молчаливыми,
 Я увидала озими, как в раннем детстве, яркими, —
 Великодушной осени весенними подарками.
 В неполютом, в неполютом саду твоём

стояла я...

Пылают листья золотом, любой — как солнце малое:
 Что выдывали за лето от зноя неустанного —
 По самый стебель палито и оживает заново.
 Ни шелеста, ни шороха, пройди всю глушь

окрестную,

Лишь смутный запах пороха томит кору древесную.
 Какими днями тяжкими нам эти чащи дороги!
 За этими овражками стояли наши вороги.
 Ломались в наши светлые заветные обители,
 И воды ясной Сетуни их темный образ видели.
 Настигнутые пулями, о вольной воле певшими,
 В свой праздник недогулянный, детоубийцы, — где ж
 они?..

Лишь смутный запах пороха хранит кора древесная.
 Ни шелеста, ни шороха — тиха краса окрестная.
 Как в утро это раннее, что разгорится досиная,
 Мне по сердцу стояние самозабвенной осени!
 А ночь обступит звездами — дремучая, прозрачная.
 Одно к другому созданы — и мрак и свечи брачные...
 Земля моя чудесная, что для тебя я сделаю,
 Какой прославлю песнею все светлое, все смелое,
 И тишину рассветную, и жизнь вот эту самую,
 И вас, друзья заветные, заветные друзья мои!..

Не паглядеться, не налюбоваться
На эту пламенеющую тишь,
Столь властную, что некуда податься,
И вместе с ней стоишь, горишь, молчишь.

Как памятник, надгробье стратотерницам,
Что отстояли этот день большой
Единственным неповторимым сердцем,
Таинственной единственной душой,

Как жертвенник, неистово горящий
Во имя тех, которых молим жить,—
Высокая и пламенная чаща,
Ее огня вовек не потушить.

Здесь прошлые, здесь будущие годы,
И чудится — впервые жизнь полна
Столь просветленным воздухом свободы
От звезд небесных до морского дна.

И беззаветно жить бы мне отныне,
Самозабвенным воздухом дыша,
Чтоб сердце стало крепче этой сини
И чище этой осси душа.

* * *

Лишь в буре — приют и спасение,
Под нею ни ночи, ни дня.
Родимые ветры осенние,
Хоть вы не оставьте меня!

Вы пылью засыпьте глаза мои,
И я распознать не смогу,
Что улицы все те же самые
На том же крутом берегу,

Что город все тот же по имени,
Который нас видел вдвоем...
Хотя бы во сне — позови меня,
Дай свидеться в сердце твоём!

[1942]

ЧИСТОПОЛЬ

Город Чистополь на Каме...
Нас дарил ты чем богат.
Золотыми облаками
Рдел за Камую закат.
Сквозь тебя четыре ветра
Насмерть бились день и ночь.
Нежный снег ложился щедро,
А сиял — глазам невмочь.
Сверхъестественная сила
Небу здешнему дана:
Прямо в душу мне светила
Чистопольская луна,
И казалось, в мире целом
Навсегда исчезла тьма.
Сердце становилось белым,
Сладостно сходя с ума.
Отчужденностью окраски
Живо все и все мертво —
Спит в непобедимой сказке
Город сердца моего.
Если б не росли могилы
В дальнем грохоте войны,
Как бы я тебя любила,

Город, поневоле милый,
Город грозной тишины!
Годы чудятся веками,
Но нельзя расстаться нам —
Дальний Чистополь на Каме,
На сердце горящий прагм.

1943

* * *

Мы пачинали без заглавий,
Чтобы окончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Я думаю о тех, которым
Раздоры ль вечные с собой
Иль нелюбовь к признаньям скорым
Мешали овладеть судьбой.

Не в расточительном ли детстве
Мы жили раньше? Не во сне ль?
Лишь в грозный год народных бедствий
Мы осознали нашу цель

И яростную жажду славы
За счастье встреч и боль потерь...
Мы тридцать лет росли как дети,
Но стали взрослыми теперь.

И яростную жажду славы
Всей жизнью утолить должны,
Когда Россия пишет главы
Освобождающей войны,—

Без колебаний, без помарок —
Страницы горя и побед,
А на полях широких ярк
Пожаров иступленный свет...

Живи же, сердце, полной мерой,
Не прячь на бедность ничего
И непоколебимо веруй
В звезду народа твоего.

Теперь спокойно и сурово
Ты можешь дать на все ответ,
И скажешь ты два кратких слова,
Два крайних слова: да и нет.

А я скажу: она со мною,
Свобода грозная моя!
Совсем моей, совсем иною
Жизнь начинается, друзья!

[1943]

* * *

Какое уж тут вдохновение, — просто
Подходит тоска и за горло берет,
И сердце сгорает от быстрого роста,
И грозных минут наступает черед.
Решающих разом — петля или пуля,
Река или бритва, но наперекор
Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает — то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва,
Пером неумелым дословно, построчно,
Едва поспевая, ты запись ведешь,
Боясь пропустить или запомнить неточно...
(Петля или пуля, река или пож?..)
И дальше ты пишешь, — не слыша, не видя,
В блаженном бреде не страшась чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.

1943

* * *

У меня большое горе
И плакать не могу.
Мне бы добрести до моря,
Упасть на берегу.

Не слезами ли, родное,
Плещешь через край?
Поделись хоть ты со мною,
Дай заплакать, дай!

Дай соленой, дай зеленой,
Золотой воды,
Синим солнцем прокаленной,
Горячей моей беды.

Я на перекресток выйду,
На колени упаду.
Дайте слез омыть обиду,
Утолить беду!

О животворящем чуде
Умоляю вас:
Дайте мне, родные люди,
Выплакаться только раз!

Пусть мольба моя пелена,
Лишь бы кто-нибудь принес,—
Не любви прошу, не хлеба,—
Горсточку горячих слез.

Я бы к сердцу их прижала,
Чтобы в кровь мою вошло
Обжигающее жало,
От которого светло.

Словно от вины тягчайшей,
Не могу поднять лица...
Дай же кто-нибудь, о дай же
Выплакаться до конца,

До заветного пачала,
До рассвета на лугу...
Слишком больно я молчала,
Больше не могу.

1943

* * *

— Но в сердце твоём я была ведь?

— Была:

Блаженный избыток, бесценный излишек...

— И ты меня вытоптал, вытравил, выжег?..

— Дотла, дорогая, дотла.

— Неправда. Нельзя истребить без следа.

Неясною тенью, но я же с тобою,

Сквозь горе любое и счастье любое

Невольно с тобою — всегда.

1943

* * *

Знаю, что ко мне ты не придешь,
Но поверь, не о тебе горюю:
От другого горя невтерпеж,
И о нем с тобою говорю я.

Милый, ты передо мной в долгу.
Вспомни, что осталось за тобою.
Ты мне должен — должен! — я не лгу —
Воздух, солнце, небо голубое,

Шум лесной, речную тишину, —
Все, что до тебя со мною было.
Возврати друзей, веселье, силу,
И тогда уже — оставь одну.

1943

* * *

Но разве счастье взять руками голыми? —
Оно сожжет.
Меня швыряло из огня да в полымя
И вновь — об лед,
И в кровь о камень сердца несравненного, —
До забытья...
Тебя ль судить, — бессмертного, мгновенного,
Судьба моя!

* * *

Молчи, я знаю, знаю, знаю.
Я точно, по календарю,
Припомню все, моя родная,
И за тебя договорю.

О скрытая моя соседка,
Бедой объятая душа!
Мы слишком часто, слишком редко
Встречаемся, всегда спеша.

Приди от горя отогреться.
Всем сердцем пристальным моим
Зову тебя: скорее встретиться,
Мы и без слов поговорим.

Заплачь, заплачь! Ведь я-то знаю,
Как ночь бродить по пустырю.
До счастья выплачься, родная,
Я за тебя договорю.

1943

* * *

Что же это за игра такая?..
Нет уже ни слов, ни слез, ни сил...
Можно разлюбить — я понимаю,
Но приди, скажи, что разлюбил.
Для чего же эти полувзгляды?
Нежности внезапной не пойму.
Отвергая, обнимать не надо.
Разве не обидно самому?
Я всегда дивлюсь тебе как чуду.
Не пайти такого среди людей.
Я до самой смерти не забуду
Беспощадной жалости твоей...

1949

* * *

Весна и снег. И непробудный
В лесу заснеженном покой.
Зиме с землей расстаться трудно,
Как мне с тобой, как мне с тобой.

Стихи 50-х годов

* * *

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетии.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным,
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоем по окраинам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,

Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
 сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чем-то прекрасном.
Тропинка все выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю,
 по с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженье обратном
И встретимся мы в переулке Грапатном...
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу
 по-прежнему выйдем,
Пока еще слышим,
Пока еще видим,
Пока еще дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
 назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,
 хотя б на мгновенье,
На площади людной,
 под бурей осепей,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

* * *

Зима установилась в марте
С морозами, с кипеньем выюг,
В злорадном, яростном азарте
Бьет ветер с севера на юг.

Ни признака весны, и сердце
Достигнет роковой черты
Во власти губельных инерций
Бесчувствия и немоты.

Кто речь вернет глухонемому?
Слепому — кто покажет свет?
И как пайти дорогу к дому,
Которого на свете нет?

1955

* * *

За окном шумит листва густая —
И благоуханна и легка,
Трепеща, темнея и блистая
От прикосновенья ветерка.

И за пею — для меня незримы,
Рядом, но как будто вдалеке, —
Люди, что всегда проходят мимо,
Дети, что играют на песке,

И шоссе в движении непрестанном,
И вагашковская тишина.
Я от них волпешьем и блистаньем,
Трепетом живым отрешена...

Вянет лето, превращаясь в осень.
Август отошел, и вот, спеша,
Ветер листья рвет, швыряет оземь,
Откровенным холодом дыша.

И в окне, наполнившимся светом, —
Все, что близко, все, что далеко,

Все как есть, что было скрыто летом,
Вдруг возникло четко и легко.

Если чудо — говори о чуде,
Сочетаем радость и печаль.
Вот они — невидимые люди!
Вот она — неведомая даль!

1955

СКАЗКА

Очарованье зимней ночи,
Воспоминанья детских лет...
Пожалуй, был бы путь короче
И замело бы санный след,

Но от заставы Ярославской
До Норской фабрики, до нас, —
Двенадцать верст морозной сказкой
Под звездным небом в поздний час...

Субботним вечером за нами
Прислали тройку. Мы с сестрой
Садимся в сани. Над санями
Кружит снежинок легкий рой.

Вот от дверей начальной школы
Мы тронулись. На облучке —
Знакомый кучер в долгополой
Овчиной шубе, в башлыке.

И вот уже столбы заставы,
Ее двуглавые орлы.
Большой больничный сад направо...
Кусты черны, снега белы,

Пустырь кругом, строенья редки.
Темнее ночь, сильнее мороз.
Чуть светятся седые ветки
Екатерининских берез.

А лошади рысцою рядом
Бегут... Почтенный корешник
Солидно вскидывает задом.
Он строг и честеп, он старик.

Бежит, бряцающая селезенкой,
Разумный конь, а с двух сторон
Шалют пристяжки, как девчонки,
Но их не замечает он.

Звенит бубенчик под дугою,
Поют полозья в тишине,
Но что-то грезится другое
В замороженном полусне.

На горизонте лес зубчатый,
Таинственный волшебный лес.
Там, в чаще,— угол непочатый
Видений, страхов и чудес.

Вот королевич серым волком
Подходит к замку на горе...
Неверный свет скользит по елкам,
По черным елкам в серебре.

Спит королева непробудно,
И замок в чарах забвения.
Самой себе признаться трудно,
Что королева — это я...

Настоян на морозе воздух
И крепок так, что не вздохнуть.
И небо — в нелюдимых звездах,
Чужая, пежилая жуть.

Все на земле роднее, ближе.
Вот телеграфные столбы
Гудят все то же, а поди же,—
Ведь это песня ворожбы.

Неодолимая дремота
В том звуке, ровном и густом...
Но вот фабричные ворота,
Все ближе, ближе, ближе дом.

Перед крылечком санный полоз
Раскатывается, скользя,
И слышен из прихожей голос,
Который позабыть нельзя.

1955

* * *

Какой обильный снегопад в апреле,
Как трудно землю покидать зиме!
И вновь зима справляет повоселье,
И вновь деревья в снежной бахrome.

Под ярким солнцем блещет снег весенний.
Взгляни, как четко разлинован лес:
Высоких сосен правильные тени
По белизне легли наперерез.

Безмолвные страницы разграфленной
Как бы неволит что-то написать,
Но от моей ли пемоты бессонной
Ты слова ждешь, раскрытая тетрадь!

А под вечер предстал передо мною
Весь в перечерках черновик живой,
Написанный осыпавшейся хвоей,
И веточками, и сухой листвою,

И шишками, и гарью паровозной,
Что ветром с полустапка нанесло,

А почерк — то веселый, то серьезный,
И подпись различаю и число.

Не скрыть врожденный дар — он слишком ярк,
Я только позавидовать могу,
Как, не страшась ошибок и помарок,
Весна стихи писала на снегу.

1956

* * *

Бредешь в лесу, не думая, что вдруг
Ты станешь очевидцем некой тайны,
Но все открыл случайный взгляд вокруг —
Разоблачения всегда случайны.

В сосновой чаще плотный снег лежит,—
Зима в лесу обосновалась прочно,
А рядом склон сухой листвой покрыт,—
Здесь осени участок неурочный.

Шумят ручьи, бегут во все концы,—
Весна, весна! Но в сипеве прогретой
Звенят вразлив не только что скворцы —
Малиновка,— уж это ли не лето!

Я видела и слышала сама,
Как в чаще растревоженного бора
Весна и лето, осень и зима
Секретные веди переговоры.

[1956]

* * *

Смертный страх перед бумагой белой...
Как его рассеять, превозмочь?
Как же ты с душою оробелой
Безоглядно углубишься в почву?

Только тьма и снег в степи бескрайной.
Ни дымка, ни звука — тьма и снег.
Ни звезды, ни вежи — только тайна,
Только ночь и только человек.

Он идет один, еще не зная,
Встретится ль в дороге огонек.
Впереди лишь белизна сплошная,
И сплошная тьма, и путь далек.

Он идет, преодолая вьюгу,
И безлюдье, и ночную жуть,
И нельзя пожаловаться другу,
И нельзя в пути передохнуть.

Впереди почной простор широкий,
И пускай в снегах дороги нет,
Он идет сквозь вьюгу без дороги
И другому пролагает след.

Здесь, быть может, голову он сложит...
Может быть, идущий без пути,
Заплутает, сгинет, но не может,
Он уже не может не идти.

Где-то ждет его душа живая.
Чтоб ее от горя отогреть,
Он идет, себя позабывая...

Выйди на крыльцо и друга встретить.

1956

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

(Мадригал)

Я вглядываюсь в Ваш портрет
Настолько пристально и долго,
Что я, быть может, сбита с толку
И попросту впадаю в бред,

Но я клянусь: Ваш правый глаз
Грустней, внимательнее, строже,
А левый — веселей, моложе
И больше выражает Вас,

Но оба тем и хороши,
Что Вы на мир смотрите в оба,
И в их несхожести особой —
Таинственная жизнь души.

Они мне счастья не сулят,
А лишь волнение без названья,
Но нет сильней очарованья,
Чем Ваш разпоречивый взгляд.

1956

* * *

Я равна для тебя нулю.
Что о том толковать, уж ладно.
Все равно я тебя люблю
Восхищенно и беспощадно,
И слоняюсь, как во хмелю,
По аллее неосвященной,
И твержу, что тебя люблю
Беспощадно и восхищенно.

РАЗМОЛВКА

Один неверный звук,
Но и его довольно:
С пути собьешься вдруг
Нечаянно, неволью,
И вот пошла плутать
Сквозь клятвы и зароки,
Искать, и ждать, и звать,
И знать, что вышли сроки...
Подумай, лишь одно
Беспамятное слово —
И вдруг темным-темно
И не было былого,
А только черный стыд
Да оклик без ответа,
И ночь не говорит
О радости рассвета.

* * *

За что же изничтожено,
Убито сердце верное?
Откройся мне: за что ж оно
Дымится гарью серною?
За что же смрадной скверною
В терзаннях задыхается?
За что же сердце верное
Как в преисподней мается?
За что ему отчаянье
Полуночного бдения
В предсмертном одичании,
В последнем отчуждении?..
Ты все отдашь задешево,
Чем сердце это грезило,
Сторонкой обойдешь его,
Вдохнешь легко и весело...

* * *

У твоей могилы вечный непокой,
Приглушенный говор суеты людской.
Что же мне осталось, ангел мой небесный!
Без тебя погибну в муке бесполезной.
Без тебя погибну в темоте железной.
Сердце истомилось смертною тоской.
Горе навалилось камешной доской.

1956

* * *

Мы рядом сидим.

Я лицо дорогое целую.

Я голову глажу седую.

Мне чудится возле

какая-то грозная тайна,

А ты говоришь мне,

что все в этой жизни случайно.

Смеясь, говоришь:

— Ну а как же? Конечно, случайно.—

Так было во вторник.

И вот подошло воскресенье.

Из сердца вовек не уйдет

этот холод всешний.

Тебя уже нет,

а со мною что случилось, мой милый...

Я склоняюсь над свежей твоею могилой.

Я не голову глажу седую —

Траву молодую.

Не лицо дорогое целую,

А землю сырую.

1956

* * *

Скорей бы эти листья облетели!
Ты видел детство их. Едва-едва,
Как будто в жизни не предвидя цели,
Приоткрывалась зябкая листва,—
«Плиссе-гофре», как я тогда сказала
О листиках зубчатых, и в ответ
Смеялся ты, и вот тебя не стало.
Шумит листва, тебя на свете нет,
Тебя на свете нет, и это значит,
Что света нет... А я еще жива.
Раскрылись листья, подросла трава.
Наш долгий разговор едва лишь начат.
На мой вопрос ты должен дать ответ,
А ты молчишь. Тебя на свете нет.

1956

* * *

Скажи — как жить мне, как мне жить
На этом берегу?
Я не могу тебя забыть
И помнить не могу.

Я не могу тебя забыть,
Покуда вижу свет,
А там забуду, может быть,
А может быть, и нет.

А может быть, к душе душа
Приникнет в тишине,
И я воскресну не дыша,
Как вечный сон во сне.

На бездыханный берег твой
Возьми меня скорей
И красотой неживой
От жизни отогрей.

1957

* * *

Ты не становишься воспоминаньем.
Как десять лет назад, мы до сих пор
Ведем наш сокровенный разговор,
Встречаясь, будто на рассвете раннем.
Нам хорошо и молодо вдвоем,
И мы всегда идем, всегда идем,
Вверяясь недосказанным признаньям
И этой чуть раскрывшейся листве,
Пустому парку, резкой синеве
Холодных майских дней и полувзглядам,
Что сердцу говорят прямее слов
О радости, что мы, как прежде, рядом...
Минутами ты замкнут и суров.
Жесточкой мысли оборвать не хочешь,
Но вот опять и шутишь и хохочешь,
Самозабвенно радуясь всему —
И солнцу, и пешеходной дорожке,
И полусказочной лесной сторожке,
И тайному смятенью моему...

Мне верилось, что это лишь начало,
Что это лишь преддверие чудес,
Но всякий раз, когда тебя встречала,
Я словно сердцу шла наперерез...

И я еще живу, еще дышу,
Еще брожу одна по темным чащам,
И говорю с тобою, и пишу,
Прошедшее мешая с настоящим...

Минутами ты замкнут и суров.
А я была так близко, так далеко
С тобой, с твоей душою одинокой
И не могла, не находила слов —
Заговорить с тобой о самом главном,
Без переходов, сразу, напрямик...
Мой ангел, на пути моем бесславном
Зачем явился ты, зачем возник!

Ты был моей любовью многолетней,
А я — твоей надеждою последней,
И не нашла лишь слова одного,
А ты хотел его, ты ждал его,
Оно росло во мне, но я молчала,
Мне верилось, что это лишь начало.

Я шла, не видя и не понимая
Предсмертного страдания твоего.
Я чувствовала светлый холод мая,
И ты со мной, и больше ничего...

О как тебя я трепетно касалась!
Но счастье длилось до того лишь дня,
Пока ты жил, пока не оказалось,
Что даже смерть желаннее меня.

* * *

После долгих лет разлуки
В летний лес вхожу с тревогой.
Тот же гул тысячезвукий,
Тот же хвойный сумрак строгий,
Тот же трепет и мерцанье,
Те же тени и просветы,
Те же птичьи восклицанья
И вопросы и ответы.
Глубока была отвычка,
Но невольно сердце вяло,
Как кому-то где-то птичка
Что-то звонко объясняла.
Здравствуй, лес! К тебе пришла я
С безутешною утратой.
О, любовь моя бывая,
Приголубь меня, порадуй!

ЧЕРТА ГОРИЗОНТА

Вот так и бывает: живешь — не живешь,
А годы уходят, друзья умирают,
И вдруг убедишься, что мир непохож
На прежний, и сердце твое догорает.

Вначале черта горизонта резка —
Прямая черта между жизнью и смертью,
А нынче так низко плывут облака,
И в этом, быть может, судьбы милосердые.

Тот возраст, который с собою принес
Утраты, прощанья, — наверное, он-то
И застил туманом непролитых слез
Прямую и резкую грань горизонта.

Так много любимых покинуло свет,
Но с ними беседуешь ты, как бывало,
Совсем забывая, что их уже нет...
Черта горизонта в тумане пропала.

Тем проще, тем легче ее перейти, —
Там эти же рощи и озими эти ж...
Ты просто ее не заметишь в пути,
В беседе с ушедшим — ее не заметишь.

1957

* * *

Не за то ли, что только гроза
Нам на мир открывает глаза,
И пред нами, хорош или плох,
Предстает он, застигнут врасплох,
Озарен то вверху, то внизу, —
Не за это ль мы любим грозу?

Что при свете дневном разберешь,
Примиряющем с правдою ложь?
Безучастный равно ко всему,
Он легко переходит во тьму.

Что увидишь во мраке почном?
Он смешал, одурманенный сном,
Все, что живо, и все, что мертво,
Он не видит себя самого.

Но случится лишь ветру пачать
Вековые деревья качать, —
Встрепенется, очнется листва,
Зашумит: я жива, я жива!
Редкий дождь пробежит вперевой
По траве, от зарниц голубой,

В чаще туч острие топора
Полыхнет белизной серебра,
Громящий рухнет удар
С поднебесья в глухой крутояр,
Взвояет ветер на все голоса,
Раскачаются шумно леса...

Не затем ли мы жаждем грозы,
Что гроза повторяет азы
Неоглядной свободы, и гром
Бескорыстным гремит серебром,
И, прозрачной прохладой дыша,
Оживает, мужает душа...

[1957]

СОН НА РАССВЕТЕ

Какие-то ходы и переходы,
И тягостное чувство несвободы,
И деревянный пизенький помост.
Как на погосте, он открыт и прост,
Но это — стол, на нем вино и свечи,
А за столом — мои отец и мать.
Их нет в живых. Я рада этой встрече,
Я их прошу меня с собою взять
Или побыть со мною хоть педолго,
Чтоб Новый год мы встретили втроем.
Я что-то им толкую втихомолку,
Они молчат. Мы пьем. Нет, мы не пьем.
Вино как кровь. Нетропугы бокалы.
А у моих родимых небывалый —
Такой недвижный и спокойный взгляд.
Да полно, на меня ль они глядят?
Нет, сквозь меня. О нет, куда-то мимо.
А может статься, я для них незрима?
И что это? Настал ли Новый год
И при свечах втроем его встречаем,
Иль только близится его приход, —
Так незаметен, так необычаен?..
Отец и мать. И между ними — я.
Где ночью ты была, душа моя?

И Новый год — был или не был встречен?
Что спрашивать, когда ответить нечем!
Я помню только свечи и вино,
И стол в дверях, и что кругом темно,
И что со мной — восставшие из праха.
Я их люблю без трепета, без страха,
Но мне тревожно. Кто меня зовет?..
О лишь бы знать — настал ли Новый год?

1957

* * *

Кузнечики... А кто они такие?
Заглядывал ли ты в их мастерские?
Ты, видно, думал — это кузнецы
И в кузнях маленьких поодиночке
О наковаленки бьют молоточки,
А звон от них летит во все концы?
Но это заблужденье. Ты не прав.
Не кузница в траве, а телеграф,
Где точки и тире, тире и точки
Бегут вплотную по звенящей строчке
И наспех сообщают обо всем,
Что в поле и в лесу творилось днем.

1957

* * *

Пылает отсвет красноватый
На летней пашне в час заката.
До фиолетового цвета
Земля засохшая прогрета.
Здесь каждый пласт огнем окован —
Лиловым, розовым, багровым,
И этот крепкий цвет не сразу
Становится привычен глазу,
Но приглядишься поемногу,
На алый пласт поставишь ногу,
И с каждым шагом все бесстрашней
Идешь малиновою пашней.

1957

В МИНУТУ ОТЧАЯНЬЯ

Весь век лишь слова ищешь ты,
Единственного слова.
Оно блеснет из темноты
И вдруг погаснет снова.

Ты не пайдешь путей к нему
И не жалея об этом:
Оно не пересилит тьму,
Оно не станет светом.

Так позабуди о нем, пойми,
Что поиски напрасны,
Что все равно людей с людьми
Оно сроднить не властно.

Зачем весь век в борьбе с собой
Ты расточаешь силы,
Когда смолкает звук любой
Пред немотой могилы.

1958

* * *

Ты думаешь — правда проста?
Попробуй скажи.
И вдруг немеют уста,
Тоскуя о лжи.

Какая во лжи простота,
Как с нею легко,
А правда совсем не проста,
Она далеко.

Ее ведь не проще достать,
Чем жемчуг со дна.
Она никому не под стать,
Любому трудна.

Ее неподатливый нрав
Пойми, улови.
Попробуй хоть раз, не солгав,
Сказать о любви.

Как будто дознался, достиг,
Добился, и что ж? —
Опять говоришь напрямик
Привычную ложь.

Тоскуешь до старости лет,
Герзаясь, горя...
А может быть, правды и нет —
И мучишься зря?

Дождешься ль ее благостынь?
Природа ль не лжет?
Ты вспомни миражи пустынь,
Коварство болот,

Где травы над гиблой водой
Густы и свежи...
Как справиться с горькой бедой
Без сладостной лжи?

Но бьешься не день и не час,
Твердыни круша,
И значит, таится же в нас
Живая душа.

То выхода ищет она,
То прячется вглубь.
Но чашу осушишь до дна,
Лишь только пригубь.

Доколе живешь ты, дотоль
Мятешься в борьбе,
И только вседневная боль
Наградой тебе.

Бескрайна душа и страшна,
Как эхо в горах.
Чуть ближе подступит она,
Ты чувствуешь страх.

Когда же настанет черед
Ей выйти на свет,—
Не выдержит сердце: умрет,
Тебя уже нет.

Но заживо слышал ты весть
Из тайной глуши,
И значит, воистину есть
Бессмертье души.

1958

* * *

Ты отнял у меня и свет и воздух,
И хочешь знать — где силы я беру,
Чтобы дышать, чтоб видеть небо в звездах,
Чтоб за работу браться поутру.
Ну что же, я тебе отвечу, милый:
Растоптанные заживо сердца
Отчаянье вдруг наполняет силой,
Отчаянье без края, без конца.

1958

* * *

И лишь в редчайшие мгновенья
Вдруг заглядишься в синеву
И повторяешь в изумленье:
Я существую, я живу.

* * *

К твоей могиле подойду,
К плите гранитной припаду.
Здесь кончился твой путь земной,
Здесь ты со мной, ты здесь со мной.
Но неужели только здесь?
А я? А мир окрестный весь?
А небо синее? А снег?
А синева ручьев и рек?
А в синем небе облака?
А смертная моя тоска?
А на лугах седой туман?..
Не сон и не самообман:
Когда заговорит гроза,
Вблизи блеснут твои глаза —
Их синих молний острия...
И это вижу только я.

1959

* * *

...И опять весь год ши гу-гу.

Ахматова

Постылых «ни гугу»
Я слышать не могу —
Я до смерти устала,
Во мне души не стало.
Я больше не могу.
Простите, кредиторы.
Да, я кругом в долгу
И опускаю шторы.
Конец, конец всему —
Надеждам и мученью,
Я так и не пойму
Свое предназначенье.

ДАЛЬНЕЕ ДЕРЕВО

От зноя воздух недвижим,
Деревья как во сне.
Но что же с деревом одним
Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
Оно дрожмя дрожит...
Что это — страх или тоска,
Тревога или стыд?

Что с ним случилось? Что могло б
Случиться? Посмотри,
Как пробивается озноб
Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
Не знаю почему.
Там сходит дерево с ума,
А что с ним — не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
И память гонит прочь?
Иль что-то вспомнить, может быть,
Но вспоминать невмочь?

Трепещет, как под топором,
Ветвям невмоготу,—
Их лихорадит серебром,
Их клонит в темпоту.

Не в силах дерево сдержать
Дрожащие листки.
Оно бы радо убежать,
Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более, чем я сама,
Оно понятно мне.

1959

* * *

Если говорить всерьез,
Лишь одно мне в жизни мило —
Коль мороз, так уж мороз,
Чтобы дух перехватило.
Я люблю вершины гор,
Оттого, что одипоки,
Я люблю степной простор
За его размах широкий.
Если зной — чтоб тишь да гладь,
Если ветер — чтоб такой уж —
На погах не устоять...
Ты меня не успокоишь,
Не утетишь, не уймешь
Ласковым полунамеком.
Не свидетельствует ложь
О высоком, о глубоком.
Ни со степью, ни с горой
Не сравню твоей повадки,
Ты весь век живешь игрой
В кошки-мышки, в жмурки, в прятки.
А по мне, чтоб было так:
Счастье — счастьем, горе — горем.
Чтобы свет и чтобы мрак.
Впрочем, мы еще поспорим.

Стихи 60-х годов

* * *

О чем же, о чем, если мир необъятен?..
Я поздно очнулась, кругом ни души.
О чем же? О снеге? О солнце без пятен?
А если и пятна на нем хороши?..
О людях? Но либо молчание, либо
Лишь правда, а мне до нее не дойти.
О жизни?.. Любовь моя, свет мой,— спасибо.
О смерти?.. Любовь моя, свет мой,— прости.

1960

* * *

Ты что ни скажешь, то солжешь,
Но не твоя вина:
Ты просто в грех не ставишь ложь,
Твоя душа ясна.

И мне ты предлагаешь лгать:
Должна я делать вид,
Что между нами тишь да гладь,
Ни боли, ни обид.

О доброте твоей зовят
Во все колокола...
Нет, ты ни в чем не виноват,
Я клеветцу со зла.

Да разве ты повинен в том,
Что я хочу сберечь
Мученье о пережитом
Блаженстве первых встреч.

Я не права — ты верный друг,
О пет, я не права,
Тебе лишь вспомнить недосуг,
Что я еще жива.

* * *

Что ж, если говорить без фальши,
Ты что ни день — отходишь дальше,
Я вижу по твоим глазам
И по уклончивой улыбке, —
Я вижу, друг мой, без ошибки,
Что нет возврата к чудесам.
Прощай. Насильно мил не будешь,
Глухого сердца не разбудишь.
Я — камень на твоём пути.
Ты можешь камень обойти.
Но я сказать хочу другое:
Наверно, ты в горах бывал,
И камень под твоей ногою
Срывался, падая, в провал.

ПЛАЧ КИТЕЖАККИ

Боже правый, ты видишь
Эту злую невзгду.
Ненаглядный мой Китеж
Погружается в воду.
Затонул, златоглавый,
От судьбы подневольной.
Давней силой и славой —
Дальний звон колокольный.
Затонул белостешный,
Лишь волна задрожала,
И жемчужная пепа
К берегам отбежала.
Затонул, мой великий.
Стало оглядь безмолвно,
Только жаркие блики
Набегают на волны...

[Начало 60-х годов]

* * *

Сквозь сон рванешься ты помериться с судьбою
И подчинить ее движению строки —
И отступаешь вдруг сама перед собою,
В бессильной ярости сжимая кулаки.

Строка зовет на бой, и ты готова к бою,
Всем унижениям и страхам вопреки,
И отступаешь вдруг сама перед собою,
В бессильной ярости сжимая кулаки.

Твоя душа мертва. Смятенье бесполезно.
Зачем прослулась ты? Твоя душа мертва.
Смирись перед немой, перед последней бездной,—

Для сердца легче смерть, чем мертвые слова.
Утешься,— над твоей могилою безвестной
И ветер будет петь, и шелестеть трава.

[1962]

* * *

Нет, мне уже не страшно быть одной.
Пусть почь темна, дорога незнакома.
Ты далеко и все-таки со мной.
И мне спокойно, мне легко, я дома.

Какие чары в голосе родном!
Я сокрушаюсь только об одном —
О том, что жизнь прошла с тобою розно,
О том, что ты позвал меня так поздно.

Но даже эта скорбь не тяжела.
От унижений, ужасов, увечий
Я не погибла, нет, я дожилла,
Дожаждалась, дошла до нашей встречи.

Твоя немислимая чистота —
Мое могущество, моя свобода,
Мое дыханье: я с тобою та,
Какой меня задумала природа.

Я не погибла, нет, я спасена.
Гляди, гляди — жива и невредима.
И даже больше — я тебе нужна.
Нет, больше, больше — я необходима.

1962

* * *

Но только и было что взгляд издалёка,
Горячий, сияющий взгляд на ходу.
В тот день облака проплывали высоко
И астры цвели в подмосковном саду.
Послушай, в каком это было году?..
С тех пор повторяю: а помнишь, а знаешь?
И нечего ждать мне и все-таки жду.
Я помню, я знаю, что ты вспоминаешь
И сад подмосковный, и взгляд на ходу.

1962

* * *

Куда, коварная строка?
Ты льстишься на приманку рифмы?
Ты хочешь, чтобы вкось и вкривь мы
Плутали? Бей наверняка,
Бей в душу, иль тебя осият
Созвучья, рвущиеся врозь.
Коль ты стрела — лети навывлет,
Коль ты огонь — свети насквозь.

1963

* * *

Не отчаивайся никогда,
Даже в лапах роковой болезни.
Даже пред лицом сочтенных дней,
Ничего на свете нет скучней,
И бессмысленней, и бесполезней,
Чем стенать, что зря прошли года.
Ты еще жива. Начни сначала.
Нет, не поздно: ты еще жива.
Я не раз тебя изобличала,
И опять ключами ты брэнчала
У дверей в тайницу волшебства.

1964

ГОРЕ

Уехать, уехать, уехать,
Исчезнуть немедленно, тотчас,
Но мне, хоть навечно, по мне, хоть
В ничто, только скрыться бы с глаз,
Мне лишь бы не слышать, не видеть
Не знать ничего, ничего,
Не мыслю живущих обидеть,
Но как здесь темно и мертво!
Иль попросту жить я устала —
И ждать, и любить не любя...
Все кончено. В мире не стало —
Подумай! — не стало тебя.

1964

* * *

Давно я не верю надземным широтам,
Я жду тебя здесь за любым поворотом,—
Я верю, душа остается близ тела
На этом же свете, где счастья хотела,
На этом, где все для нее мнилось,
На этом, на этом, где с телом рассталась,
На этом, на этом, другого не зная,
И жизнь бесконечна — родная, земная...

1967

* * *

Ужаснусь, опомнившись едва,—
Но ведь я же родилась когда-то.
А потом? А где другая дата?
Значит, я жива еще? Жива?
Как же это я в живых осталась?
Господи, но что со мною случилось?
Господи, по где же я была?
Господи, как долго я спала.
Господи, как страшно пробужденье,
И такое позднее — зачем?
Меж чужих людей как привиденье
Я брожу, не узнаю никем.
Никого не узнаю. Исчез он,
Мир, где жили милые мои.
Только лес еще остался лесом,
Только небо, облака, ручьи.
Господи, коль мне еще ты внемлешь,
Сохрани хоть эту благодать.
Может, и очнулась я затем лишь,
Чтоб ее впервые увидеть.

1967

* * *

Прикосновение к бумаге
Карандаша — и сразу
Мы будто боги или маги
В иную входим фазу.
И сразу станет все понятно,
И все нестрашно сразу,
Лишь не кидайтесь на непятный,
Не обрывайте фразу,
И за строкой строка — толпою,
Как будто по приказу...
Лишь ты, доверие слепое,
Не подвело ни разу.

1967

* * *

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого — своя.
От робости, от неумения
Ее не воспевала я.

Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далекая, желанная,
Моя земля обетованная!

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад,
Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.

Со мною только дни осенние
И та далекая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра.

Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековой славою,
Как мироздание стара.

И тайна острова севапского,
Где словно дань векам седым —
И своды храма христианского,
И жетвоприношений дым.

Орлы Звартиоца в камень врублены,
Их оперенье — ржавый мох...
О край далекий, край возлюбленный,
Мой краткий сон, мой долгий вздох.

[1967]

* * *

Оглянусь — окаменею.
Жизнь осталась позади.
Почь длиннее, дець темнее.
То ли будет, погоди.

У других — пути-дороги,
У других — плоды труда,
У меня — пустые строки,
Горечь тайного стыда.

Вот уж правда: что посеешь...
Поговорочка под стать.
Наверстай-ка что сумеешь,
Что успеешь паверстать!

Может быть, перед могилой
Узнаём в последний миг
Все, что будет, все, что было...
О, немой предсмертный крик!

Ни пощады, ни отсрочки
От беззвучной темноты...
Так не ставь последней точки
И не подводи черты.

[1967]

* * *

Подумай, разве в этом дело,
Что ты судьбы не одолела,
Не воплотилась до конца,
Иль будто и не воплотилась,
Звездой падучею скатилась,
Пронав без вести, без венца?
Не верь, что ты в служеньи щедром
Развевалась, как пыль под ветром.
Не пыль — цветочная пыльца!

Не зря, не даром все прошло.
Не зря, не даром ты сгорела,
Коль сердца твоего тепло
Чужую боль превозмогло,
Чужое сердце отогрело.
Вообрази — тебя уж нет,
Как бы и вовсе не бывало,
Но светится твой тайный след
В иных сердцах... Иль это мало —
В живых сердцах оставить свет?

1967

* * *

— Черный ворон, черный вран,
Был ты вором иль не крал?

— Крал, крал.

Я белее был, чем снег,
Я украл ваш краткий век.
Сколько вас пошло травой,
Я один за всех живой.

— Черный ворон, черный вран,
Был ты вором иль ты врал?

— Врал, врал.

1967

* * *

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата.
Я потеряла друга, мужа, брата,
Я получала письма из-за гроба.

Она ко мне внимательна особо
И на немые муки торовата.
А счастье исчезало без возврата...
За что, я не пойму, такая злоба?

И все исподтишка, все шито-крыто.
И вот сидит на краешке порога
Старуха у разбитого корыта.

— А что? — сказала ты. — И виражь старуха.
Ни памяти, ни зрения, ни слуха.
Сидит, бормочет про судьбу, про бога...

1967

* * *

О, какие мне снились моря!
Шелестели польнью предгорья...
Полно, друг. Ты об этом зря,
Это все реквизит, бутафория.
Но ведь снились! И я не пойму —
Почему они что-то значили?
Полно, друг. Это все ни к чему.
Мироздание переиначили.
Эта сказочка стала стара,
Потускнели виденья ранние,
И давно уж настала пора
Зренья, слуха и понимания.

1967

* * *

Что делать! Душа у меня обещала
И прочь ускользнула.
Я что-то кому-то наобещала
И всех обманула.
Но я не парочко, а так уж случилось,
И жизнь на исходе.
Что делать! Душа от меня отлучилась
Гулять на свободе.
И где она бродит? Кого повстречала?
Чему удивилась?..
А мне без нее не припомнить начала,
Начало забылось.

1967

* * *

Пожалейте пропавший ручей!
Он иссох, как душа иссыхает.
Не о нем ли среди душных почв
Эта ива сухая вздыхает!
Здесь когда-то блестела вода,
Убегала безвольно, беспечно.
В жаркий полдень пошла стада
И не знала, что жить ей не вечно,
И не знала, что где-то вдали
Неприметно иссякли истоки,
А дожди этим летом не шли,
Только зной распалился жестокий.
Не пробиться далекой струе
Из заваленных наглухо скважин...
Только ива грустит о ручье,
Только мох на камнях еще влажен.

1967

* * *

Одна на свете благодать —
Отдать себя, забыть, отдать
И уничтожиться бесследно.
Один на свете путь победный —
Жить как бегущая вода:
Светла, беспечна, молода,
Она теснит волну волною
И пребывает без труда
Все той же и всегда ипою,
Животворящею всегда.

1967

* * *

Что толковать! Остался краткий срок,
Но как бы ни был он обидно краток,
Отчаянье пошло мне, видно, впрок
И не растрочу дней моих остаток.

Я понимаю, что кругом в долгу
Пред самым давним и пред самым новым,
И будь я проклята, когда солгу
Хотя бы раз, хотя б единым словом.

Нет, если я смогу преодолеть
Молчание, пока еще не поздно,—
Не будет слово ни чадить, ни тлеть,—
Костер, пылающий в ночи морозной.

* * *

Сердцу ненавидеть непривычно,
Сердцу ненавидеть несподручно,
Ненависть глуха, коспоязычна.
До чего с тобой, старуха, скучно!

Видишь зорко, да ведь мало толку
В этом зреньи хищном и подробном.
В стоге сена выглядишь иголку,
Стены размыкаешь взором злобным.

Ты права, во всем права, но этой
Правотой меня уж не обманешь, --
С ней глаза отвадятся от света,
С ней сама вот-вот старухой станешь.

Надоела. Ох, как надоела.
Колоти хоть в колокол набатный, ---
Не услышу. Сердце отболело,
Не проймешь. Отчаливай обратно.

Тот, кто подослал тебя, старуху...
Чтоб о нем ни слова, ни полслова,

Чтоб о нем ни слуху и ни духу.
Знать не знаю. Не было такого.

Не было, и нету, и не будет
Ныне, и по всякий день, и приспо.
Даже ненавидеть не принудит,
Даже ненавидеть ненавистно.

1967

* * *

Пусть будет близким не в упрек
Их вечный недосуг.
Со мной мой верный огонек,
Со мной надежный друг.

Не надо что-то объяснять,
О чем-то говорить,—
Он сразу сможет все понять,
Лишь стоит закурить.

Он скажет: «Ладно, ничего»,—
Свеченьем золотым,
И смута сердца моего
Рассеется как дым.

«Я все же искорка тепла,—
Он скажет мне без слов,—
Я за тебя сгореть догта,
Я умереть готов.

Всем существом моим владей,
Доколе ты жива...»
Не часто слышим от людей
Подобные слова.

1967

* * *

Ни ахматовской кротости,
Ни цветаевской ярости —
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Не напрасно ли прожито
Столько лет в этой местности?
Кто же все-таки, кто же ты?
Отзовись из неизвестности!..

О, как сердце отравлено
Немотой многолетней!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?

Лишь начало мелодии,
Лишь мотив обещания,
Лишь мученье бесплодия,
Лишь позор обнищания.

Лишь тростник заколышется
Тем напевом чуть начатым...
Пусть кому-то послышится,
Как поет он, как плачет он.

1967

* * *

Страшно тебе довериться, слово,
Страшно, а должно.
Будь слишком старо, будь слишком ново,
Только не ложно.

* * *

О, ветром зыблемая тень —
Не верьте лести.
Покуда вы — лишь дальний день,
Лишь весть о вести.

Вы тщитесь — как бы почудней,
В угоду моде.
Вас нет. Вы нищенки бедней.
Вы — нечто вроде.

Все про себя: судьба, судьбе,
Судьбы, судьбою...
Нет, вы забудьте о себе,
Чтоб стать собою.

Иначе будет все не впрок
И зря и втуне.
Покуда блеск натужных строк —
Лишь блеск латуни.

Ваш стих — сердец не веселит,
Не жжет, не мучит.

Как серый цвет могильных плит,
Он им наскучит.

Вам надо все перечеркнуть,
Начать сначала.
Отправьтесь в путь, в нелегкий путь,
В путь — от причала.

* * *

Немого учат говорить.
Он видит чьих-то губ движенье
И хочет слово повторить
В беззвучных муках униженья.

Ты замолчишь — он замычит,
Пугающие звуки грубы,
Но счастлив он, что не молчит,
Когда чужие сжаты губы.

А что ему в мычанье том!
То заревет, то смолкнет снова.
С пчеловеческим трудом
Он хочет выговорить слово.

Он мучится не день, не год,
За звук живой — костями поляжет.
Он речь не скоро обретет,
Но он свое когда-то скажет.

[1967—1968]

* * *

А ритмы, а рифмы неведомо откуда
Мне под руку лезут, и нету отбоя.
Звенит в голове от шумливого гуда.
Как спяну могу говорить про любое.
О чем же? О жизни, что длилась напрасно?
Не надо. Об этом уже надоело.
Уже надоело? Ну вот и прекрасно,
Я тоже о ней говорить не хотела.
И все же и все-таки длится дорога,
О нет, не дорога — глухая тревога,
Смятенье, прислушиванье, озиранье,
О чем-то пытаешься вспомнить заранее,
Терзается память, и все же не может
Прорваться куда-то, покуда не дожит
Мой день...

* * *

О сердце человечье, ты все в кровоподтеках,
Не мучься, не терзайся, отдохни!
Ты свыкнешься с увечьем, все дело только в сроках,
А как тепло на солнце и как легко в тени!
Не мучься, не терзайся, родное, дорогое,
Не мучься, не терзайся, отдохни!
Увечья не излечит мгновение покоя,
Но как тепло на солнце и как легко в тени!

1968

* * *

Есть художник неподкупный —
Так распишет, что ой-ой.
Он любой душе преступной
Воздавать привык с лихвой.

Тот ваятель не согласен
Утаить хоть что-нибудь.
Ленкой брыльев и подглазин
Он расскажет злую суть.

По одной кривой улыбке
Он движеньями резца
Год из году без ошибки
Обличает подмента.

Сеть морщинок расположит
Так, что скрыть уже нельзя:
Этот век позорно прожит —
Вниз и вниз вела стезя...

Тут уж верьте ли, не верьте —
Весь рисунок неспроста...
Но останется до смерти
Красотою красота.

1968

* * *

Осень сорок четвертого года.
День за днем убывающий зной.
Ереванская снись небосвода
Затуманена дымкой сквозной.

Сокровенной счастливою тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова,—

Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.

1968

* * *

Сверчок пост, спрятавшись во тьму,
И песенка его не пустословье,—
Не зря сверчит, дай бог ему здоровья,
И я не зря завидую ему.
Я говорю: невидимый, прости,
Меня сковало смертной немотою,
Одно твое звучание простое
Могло б меня от гибели спасти,—
Лишь песенку твою, где нет потерь,
Где непрерывностью речитатива
И прошлое и будущее живо,—
Лишь эту песню мне передоверь!

1969

* * *

Легко ль понять через десятки лет —
Здесь нет меня, ну просто нет и нет.
Я не запомнила земные дни.
Растенью и тому, наверно, внятно
Течение дней, а для меня они —
Как на луне смутнеющие пятна.

1969

* * *

Я живу, озираясь,
Что-то вспомнить стараюсь —
И певмочь, как во сне.
Эта злая работа
До холодного пота,
Видно, впрямь не по мне.
Но пора ведь, пора ведь
Что-то разом исправить,
Распрямить, разогнуть...
Голос тихий и грозный
Отвечает мне: поздно,
Никого не вернуть.

Я живу, озираясь,
Я припомнить стараюсь
Мой неведомый век.
Все забыла, что было,
Может, я и любила
Только лес, только снег.
Снег — за таинство света
И за то, что безгласен
И со мною согласен
Тишиною пути,
Ну а лес — не за это:
За смятенье, за гомон
И за то, что кругом,
Стоит в чащу войти...

* * *

Нас предрассветная заря
Надеждой радует не зря,
И неспроста пугает нас
Тревожный сумеречный час.
Лишается земля примет,
Когда над ней исчезнет свет,
Все дело в свете, но и он
Лишь темнотой на свет рожден.

ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ

Ты живешь смиренницей прекрасною,
Всю себя лишь для себя храни.
Доцветаешь красотой напрасною,
Прелестью, лишеною огня.

Стройностью твоей, твоей походкою
Восхитится каждый, кто ни глянь.
Красоте зеленых глаз с обводкою
Позавидовать могла бы лань.

Алощекая и темнобровая,
Ты и впрямь на диво хороша...
Гордая, холодная, суровая,
Самопоглощенная душа.

Мраморная прелесть безупречная,
Совершенства образец живой...
Самоотречение беспечное,
Безоглядное — удел не твой.

Есть возможное и невозможное,
Ты меж них границу провела
И живешь с оглядкой осторожною,
Ни добра не делаешь, ни зла.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Слова пустые лежат, не дышат,
Слова не знают — зачем их пишут,
Слова без смысла, слова без цели,
Они озябших не отогрели,
Они голодных не накормили, —
Слова бездушья, слова бессилья!
Они робеют, они не смеют,
Они не светят, они не греют,
И лишь немеют в тоске спрота,
Не сознавая свое уродство.

* * *

По мне лишь так: когда беда настанет,
Тогда и плачь. «Покуда гром не грянет,
Мужик не перекрестится». Таков
Обычай прадедов спокон веков.
Он у меня в крови. Я не умею
Терзаться впрок. Глупее иль умнее
Обычай мой, чем вечное нытье,—
Он нестар, он существо мое.

* * *

«Ты говоришь: «Я не творила зла...»
Но разве ты кого-нибудь спасла?
А ведь кого-то за руку схватив,
Могла бы удержать, он был бы жив.
Но даже тот неискупленный грех,
И он не самый тяжкий изо всех,
Ты за него страдаешь столько лет...
Есть грех другой, ему прощенья нет,—
Ты спряталась в глухую скорлупу,
Ты замешалась в зыбкую толпу,
Вошла в нее не как рассветный луч —
Ты стала тучей в веренице туч.
Где слово, что тебе я в руки дал,
Чтоб добрый ликовал, а злой страдал?
Скажи мне — как распорядилась им,
Бесценным достоянием моим?
Не прозвучало на земле оно,
Не сказано, не произнесено.
Уйди во мрак, не ведающий дня,
Пускай тебя примет сатана».

А тот вопит: «Не вем ее, не вем,
Она при жизни не была ничем,

Опа моей при жизни не была,
Она и вправду не творила зла.
За что ее карать, за что казнить?
Возьмешь ее на небо, может быть?..»

И я услышу скорбный стон небес,
И как ввизгу расхохотался бес,
И только в том спасение мое,
Что сгину — провалюсь в небытие.

* * *

Я здесь любила все как есть,
Не рассказать, не перечесть —
Весну любила за весну,
А зимушку за белизну,
А лето за угрюмый зной,
А осень... у нее со мной
Был уговор особый,
Узнать его не пробуй.
Она ведет меня тайком,
И всякий раз впервые,
Звеня ключами и замком,
В такие кладовые,
Где впрямь захватывает дух
От багреца и злата,
А голос — и глуток и глух —
Мне говорит неспешно вслух
Все, что сказал когда-то.

1969

* * *

Д. С.

Взгляни — два дерева растут
Из корня одного.
Судьба ль, случайность ли, но тут
И без родства — родство.
Когда зимой шумит метель,
Когда мороз суров, —
Березу охраняет ель
От губительных ветров.
А в зной, когда трава горит
И хвое внору тлеть, —
Береза тенью одарит,
Поможет уцелеть.
Шекровиные растут не врозь,
Их близость — навсегда,
А у людей — все вкривь да вкось,
И горько от стыда.

* * *

Непоправимо-белая страница...

Анна Ахматова

Пустыня... Замело следы
Кружение песка.
Предсмертный хрип: «Воды, воды...»
И — ни глотка.
В степных снегах буран завыл,
Летит со всех сторон.
Предсмертный хрип: «Не стало сил...» —
Пургою заметен.
Пустыни зной, метели свист,
И вдруг — жильё во мгле.
Но вот смертельно белый лист
На письменном столе...

Стихи 70-х годов

* * *

Сказать бы, слов своих не слыша,
Дыханья, дуновенья тише,
Беззвучно, как дымок над крышей
Иль тень его (по снегу тень
Скользит, но спящий снег не будит),
Сказать тебе, что счастье — будет,
Сказать в безмолвствующий день.

БОЛЕЗНЬ

О как хорошо, как тихо,
Как славно, что я одна.
И шум и неразбериха
Ушли, и пришла тишина.
Но в сердце виденья теснятся,
И надобно в них разобраться
Теперь, до последнего сна.
Я знаю, что не успеть.
Я знаю — напрасно стараться
Сказать обо всем даже вкратце,
Но душу мне некуда деть.
Нет сил. Я больна. Я в жару.
Как знать, может, нынче умру...
Одно мне успеть, одно бы —
Без этого как умереть? —
Об Анне... Но жар, но ознобы,
И поздно. Прости меня. Встреть.

1970

* * *

К своей заветной цели
Я так и не пришла.
О ней мне птицы пели,
О ней весна цвела.
Всей силою расцвета
О ней шумело лето,
Про это лишь, про это
Осенний ветер пел,
И снег молчал про это,
Искрился и белел.
Бесценный дар поэта
Зарыла в землю я.
Велению не внемля,
Свой дар зарыла в землю...
Для этого ль, затем ли
Я здесь была, друзья!

* * *

Когда слагать стихи таланта пет,—
Не чувствуя ни радости, ни боли,
Хоть рифмами побаловаться, что ли,
Хоть насвистать какой-нибудь сонет,

Хоть эхо разбудить... Но мне в ответ
Не откликаются ни лес, ни поле.
Расслышать не в моей, как видно, воле
Те голоса, что знала с малых лет.

Не медли, смерть. Не медли, погляди,
Как тяжело неслышащей, незрячей,
Пустой душе. Зову тебя — приходи!

О счастье! От одной мольбы горячей
Вдруг что-то дрогнуло в немой груди.
Помедли, смерть, помедли, подожди!..

1971

ЗАВЕЩАНИЕ

(Отрывок)

...И вы уж мне поверьте.
Что жизнь у нас одна,
А слава после смерти
Лишь сильным суждена.

Не та пустая слава
Газетного листка,
А сладостное право
Опережать века.

...Не шум газетной оды,
Журнальной болтовни,—
Лишь тишина свободы
Прославит наши дни.

Не похвальбой лукавой,
Когда кривит строка,
Вы обретете право
Не умолкать века.

Один лишь труд безвестный —
За совесть, не за страх,
Лишь подвиг безвозмездный
Не обратится в прах...

* * *

И. Л.

На миру, на юру
Неприятно мне и одиноко.
Мне б забиться в пору,
Затанься далёко-далёко.
Чтоб никто, никогда,
Ни за что, никуда, ниоткуда.
Лишь корма и вода,
И созвездий полночное чудо.
Только плеск за бортом —
Равнозвучное паноминанье
Все о том да о том,
Что забрезжило в юности рашней,
А потом за бортом
Потерялось в ненастном тумане.

1971

ТРЕВОГА

Мне слышится — кто-то у самого края
Зовет меня. Кто-то зовет, умирая,
А кто — я не знаю, не знаю, куда
Бежать мне, но с кем-то, но где-то беда,
И надо туда, и скорее, скорее —
Быть может, спасу, унесу, отогрею,
Быть может, успею, а ноги дрожат,
И сердце мертвеет, и ужасом сжат
Весь мир, где недвижно стою, озираясь,
И вслушиваюсь, и постигнуть стараюсь —
Чей голос?.. И, сжата тревожной тоской,
Сама призываю последний покой.

1971

* * *

Одно мне хочется сказать поэтам:
Умейте домолчаться до стихов.
Не пишется? Подумайте об этом,
Без оправданий, без обиняков.
Но, дознаваясь до жестокой сути
Жестокое молчанья своего,
О прямодушии не позабудьте,
И главное — не бойтесь ничего.

1971

ЛЕТЕНЬ

Повеял летний ветерок;
Не дуновенье — легкий вздох,
Блаженный вздох одоховенья.
Вздохнул и лег вдали дорог
На травы, на древесный мох
И вновь повест на мгновенье.

Не слишком наша речь бедна,
В пей все имеет имена,
Да не одно: и «лед» и «ледень»,
А ветерок, что в летний час
Дыханьем юга нежит нас,
Когда-то назывался «летень».

1971

ТОПОЛЯ
(Превращения)

1

Поутру пышешней весной,
С окна отдернув занавески,
Я ахнула: передо мной
Толпятся в двухсотлетнем блеске —
В кудрявых белых париках,
В зеленых шелковых камзолах
Вельможи... (Заблудясь в веках,
Искали, видно, дней веселых
И не туда пришли впотьмах.)
Им что ни скажешь — все не то,
И я поэтому молчала.
Хоть не узнал бы их никто!
Роскошество их обличало —
Их пудреные парики,
Темно-зеленые камзолы,
Всему на свете вопреки,
Как возле царского престола,
Красуются перед окном,
И думать ни о чем ниюм
Я не могу. На миг забуду
И снова погляжу в окно,
И снова изумляюсь чуду,
Но вот в окне уже темно.

2

В новолунье, в полнолунье
 Правит миром ночь-колдунья,
 Утром все в окне иное,
 Нет чудес вчерашних там,
 Но распахнут предо мною
 Монастырский древний храм...
 Отступаю в тайном страхе —
 За окном стоят монахи.
 Видно, служба отошла:
 Ни одной свечи зажженной,
 Не звонят колокола,
 Слышен шепот приглушенный:
 «Вседержителю хвала».

3

И вновь превращения свершаются ночью,
 А утром прибой темно-белые ключья
 Швыряет мне с моря, стоящего дыбом,
 Дрожащего каждым зеленым изгибом.
 Влетает в окошко тенистая пена
 И вот затихает в углах постепенно
 Густой пеленой тополиного пуха, —
 В нем плоти, пожалуй, не больше, чем духа.

1972

РЫЛЕЕВ

Безумье, видимо... Гляди-ка,
Как мысли повернули дико!
Сначала вспомнилось о том,
Как, в форточку влетев, синички
Сухарь клюют... Кормитесь, птички,
У вас нахальство не в привычке,
Ведь голод и мороз притом;
Кто доживет до переклички
Перед рождественским постом!
Сперва — о птицах. А потом —
Что их воротничок высокий
Белеет, закрывая щеки...
Рылеев... Господи, прости!
Сознания темные пути
И вправду неисповедимы.
Синиц высокий воротник
Мелькнул, исчез, и вдруг возник
Тот образ, юный, невредимый,
И воротник тугой высок,
Белеющий у смуглых щек,
Как заклинанье о спасеньи
От злых предчувствий... Сколь жесток
Тот век, тот царь. Хотя б глоток,—
Мгновенье воздуха, мгновенье!..

ПЕРЕД КАРТИНОЙ САВРАСОВА

(Весна в детстве)

Вешний грач по свежей пашне
Ходит с важностью всегдашней,
Ходит чинно взад-вперед.
Нету птицы богомольней,
Звон услышав колокольный,
Не спеша поклоны бьет.
Строгий звон великопостный
Понимает грач серьезный,
Первым встретил ледоход,
Первым видел половодье,
Пост великий на исходе,
Все меняется в природе,
И всему свой черед...

В самый светлый день весенний,
В день Христова воскресенья,
С церкви зимнего Николы
Разольется звон веселый
И с пяти церквей в ответ
То ли звон, то ли свет.
Старший колокол — для фона:
Звук тяжелый и густой
В день веселый, день святой

Оттеняет перезвоны
Молодых колоколов.
Солнце синий воздух плавит,
Жарким блеском праздник славит
На крестах куполов...

Этот день впереди,
А пока погляди,
Как под звон великопостный
Ходит пашней грач серьезный,
Ходит чинно взад-вперед,
Не спеша поклоны бьет.

ПОЛЬСКИЕ ПОЭТЫ

Лесьмян — он по вертикали,—
В глубь земли и в глубь небес,
А Тувим — в долины, в дали,
Где на горизонте — лес.
А Галчинский?.. Разве просто
Обозреть его добро:
Зелень, серебро и звезды,
Звезды, зелень, серебро.

1974

РЕДАКТОР

Такое дело: либо — либо...
Здесь ни подлогов, ни подмен...
И вряд ли скажут мне спасибо
За мой редакторский рентген.

Борюсь с карандашом в руке.
Пусть чья-то речь в живом движении
Вдруг зазвучит без искаженья
На чужеродном языке.

* * *

Как были эти годы хороши,
Когда и я стихи писать умела.
Невзрачные, они росли несмело,
И все-таки — из сердца, из души.

1974

* * *

Разбила речка поутру́
Холодное зеркало.
Не верь, что это не к добру,
А верь, что замерцала
В осколках ледяных весна;
На волю вырвалась волна
И радость прорицала.

1975

* * *

В. А.

И ты бессилен, как бессилен каждый
Ей вернуть земное бытие,
Но доброе вмешательство ее
Почувствуешь, узнаешь не однажды,—
То отвратит грозящую беду,
То одарит нежданною отрадой.
То вдруг свернешь с дороги на ходу,
Поверив ей, что, значит, так и надо.

БЕССОННИЦА

Всю ночь — страданье раскаленное,
О совесть, память, жаркий стыд!..
Чуть голубое, чуть зеленое,
Тот жар лишь небо остудит.
И ни к чему глотать снотворные,
От горькой одури слабость...
Смирись, покуда небо черное
Не станет тихо голубеть.

1975

* * *

Неужели вот так до конца
Будем жить мы, друг другу чужие?
Иль в беспмятстве наши сердца?
Все-то думается: не скажи я
Слов каких-то (не знаю каких!) —
Не постигло бы нас паважденья,
Этот холод и мрак отчужденья,
Твердый холод, объявший двоих.

1975

О ПТИЦАХ

И вдруг перестаешь страдать.
Откуда эта благодать?
Ты птиц не любишь в руки брать,
Но песни, песни!..
Воистину — глагол небес:
«Найдись, очнись, ты не исчез,
Воспрянь, воскресни!»
Об этом в чаще — соловей,
А жаворонок — в поле,
В полете, не в сетях ветвей,
Один, на вольной воле.
Но он поет лишь на лету
И, вмиг теряя высоту,
Впадает где-то в немоту,
Скользнув на землю.
Не сетуй, если он затих.
Послушай песни птиц лесных,
Им чутко внемя.
Когда в сплетении ветвей
Поет как хочет соловей —
Не всем ли дышится живей,
Вольней — не всем ли?

Поет, не улетая ввысь.
У птиц лесных и ты учись,
Доверие душе своей
От них приемли.

1975

* * *

Красотка, перед зеркалом вертась,
С гримаскою горбунье говорила:
«Нельзя сказать, что выгляжу я мило.
Ей-богу, сложена я как горилла».
И предлагает, ласкою светясь:
«Не прогуляетесь ли вы со мною?»
И эта, с перекошенной спиною,
Вздыхая, за красавицей плелась.

Вот тебе на! Никак ты пишешь басни?
Да и плохие, что всего ужасней.
Ложись-ка спать, скорее свет гаси.
Уж коль беда с тобою приключилась,
Уж коль стихи писать ты разучилась,
Без тайной зависти свой крест неси,
А басни, притчи... Боже упаси!

1975

* * *

Озираясь, в дверь пролез.
Не красавец, не урод,
Но из комнаты исчез,
Испарился кислород.
Этот гость лишен примет,
Но дышать пневмоготу.
От него сойдешь на нет,
Превратишься в пустоту.
Озирается, как вор.
Он хвастун и жалкий враль.
Примиряться с ним — позор,
Расплеваться с ним не жаль.

1975

* * *

Что печального в лете?
Лето в полном расцвете.
Мучит малая малость —
В листьях будто усталость,
Будто скрытость недуга
В этих листьях зеленых,
И морозом и вьюгой
С первых дней опаленных.
Трудно было не сжаться,
От смертей удержаться, —
То тепло, то остуда, —
Нынче вёсны коварны...

На листву, как на чудо,
Я гляжу благодарно.

1975

* * *

Когда молчанье перешло предел —
Кто гибели моей не захотел?..
Подходит и трясет меня за плечи:
«Опамятуйся, пробудись, очнись,
Верни себе свой облик человеческий,
Почувствуй глубину свою и высь,
Верни себе великое наследство,
Сознание твоих врожденных прав,
И безоглядное любвеобилье детства,
И юности непримиримый нрав».

1975

* * *

Я ненавижу смерть.
Я ненавижу смерть.
Любимейшего я уж не услышу...
Мне было б за него и день и ночь молиться:
О жизнь бесценная, умилосердь
Неведомое, чтобы вечно длиться!..

Я ненавижу смерть.

1976

* * *

Боже, какое мгновенное лето,
Лето не долее двух недель,
Да и тревожное знаменье это —
Грозы иные, чем были досель.
Не было молнии, брошенной вниз,
Но полоскою горизонтальной
Свет протекал над землею недалней,
Медленный гром на мгновение навис
Бледному свету вослед и обвалом
Рушился с грохотом небывалым,
Падал сквозь землю, гудел под ней.
Лето промчалось за десять дней.

* * *

И вдруг возникает какой-то папав,
Как шмель неотвязный гудит, ошалев,
Как хмель оплетает, нет сил разорвать,
И волей-неволей откроешь тетрадь.

От счастья внезапного похолодею.
Кто понял, что белым стихом не владею?
Кто бросил мне этот спасательный круг?..
Откуда-то рифмы сбегаются вдруг.

Их зря обесславил писатель великий
За то, что бедны, холодны, однолики,
Напрасно охаял и «кровь и любовь»,
И «пламень и камень», и вечное «вновь».

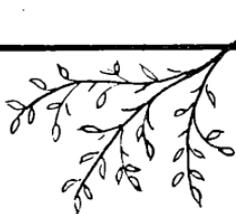
Не эти ль созвучья исполнены смысла,
Как некие сакраментальные числа?
А сколько других, что поддержат их честь!..
Он, к счастью, ошибся, — созвучий не счесть.

1976

* * *

Нет несчастней того,
Кто себя самого испугался,
Кто бежал от себя,
Как бегут из горящего дома.
Нет несчастней того,
Кто при жизни с душою расстался,
А кругом — все чужое,
А кругом ему все незнакомо.
Он идет как слепой,
Прежней местности не узнавая.
Он смешался с толпой,
Но страшит суета неживая,
И не те голоса,
Все чужое, чужое, чужое,
Лишь зари полоса
Показалась вечерней душою...

1976

Из ранних стихов

НОЧЬ

Ночь нависает стыпущей, стонущей,
Патуго кутая темнотой.
Ласковый облик, в истоме топящий,
Манит, обманывая тобой.

Искрами злыми снега исколоты.
Скрип и гуденье в себе таят.
Даль недолетна. Лишь слышно: от холода
Звезд голубые хрящи хрустят.

1927

ЗВЕЗДА

Когда пастает мой черед,
И кровь зеленая замрет,
И затуманятся лучи —
Я прочеркну себя в ночи.

Спугнув молчанье сонных страп,
Я капу в жадный океан.
Он брызнет в небо и опять
Сомкнется, новой жертвы ждать.

О звездах память коротка:
Лишь чья-то крестится рука,
Да в небе след крутой дуги,
Да на воде дрожат круги.

А я, крутясь, прильну ко дну,
Соленой смерти отхлебну.

Но есть исход еще другой:
Не хватит сил лететь дугой,
Сорвусь и — оземь. В пышный снег.
И там раздавит человек.

Он не услышит тонкий стон,
Как песнь мою не слышал он.
Я кровь последнюю плесну
И, почерневшая, усну.

И не услышу ни толчков,
Ни человеческих страшных слов.
(А утром скажут про меня:
— Откуда эта головня?)

Но может быть еще одно
(О, если б это суждено):
Дрожать, снять и петь всегда
Тебя, тебя, моя звезда!

1927

* * *

Полдневное солнце дрожа растеклось,
И пламень был слизан голодной луною.
Она, оголтелая, выползла вкось,
До скул палакавшись зепитного зною.

Себя все небесной владычицей мня,
Она завывала багровою пастью...
В ту ночь подошло, чтоб ударить меня,
Суровое, бронзоволикое счастье.

1929

РАННЯЯ УТРАТА

Стоногий стон бредет за колесницей,—
Стопое чудовище с лицом
Заплаканным... Так, горе. Это — ты.
Тяжкоступающее, я тебя узнала.
Куда идем? На кладбище свернули.
Тебе другой дороги нет, о скорбь!
Чудовище стоноее, с душой
Единой и растерзанной на части.
Ты разбредешься множеством страданий,
Как только мы опустим в землю гроб.
Которое — куда: одно должно
Приказывать, другое — подчиняться.
Но я останусь тут. Я с другом встречу
Ночь первую. Коль мертв — я помолчу.
Но если б жив!.. Мы стали б говорить
Так откровенно, как не говорили.
Низверглась тьма, и прорастает мрамор.
Рыдающие ангелы. Пускай.
Они не помешают нам — никто
Тревожить нас, любимый мой, не в силах.
К тебе под землю, верно, проникает
Особая — почная — темнота?
Качаются железные вешки.

Ты, верно, слышишь, как они скрежещут
Раскаяньем?.. Заржавленные звезды
Под тем же ветром жалобно дрожат...
Ты слышишь? Иль не слышишь ничего?
Иль ты другое слышишь, мой любимый?..

1929

МОРЕ

Тебя, двуполое, таким —
Люблю. Как воздух твой прозрачен!
Но долгий сон невыносим, —
Твой поров требует: иначе!

Наскучил сизый, и любой
Рождаешь ты из мглы глубокой, —
Лиловый, или голубой,
Или зеленый с поволокой.

Днем — солнце плавает по дну,
Пугая встречного дельфина.
Разрезать крепкую волну —
В ней солпечная сердцевина!

Но отступают от скалы,
Почуя тишину ночную,
Темно-зеленые валы
И замыкаются вплотную,

И поднимается луна
Над горизонтом напряженным,
Сквозь море спящее она
Проходит трепетом бессонным.

Одной на свете жить нельзя:
В воде дрожит луна другая,
А волны блещут, голоса,
О черный берег ударяя...

Один, второй, миллионный вал,
А человек смятенья полон:
Он вспомнил и затосковал
О безначальном, о двуполом.

1929

СОЛОВЕЙ

Там, где хвои да листвы
Изобилие слепое, —
Соловей плескал во рвы
Серебром... От перепоя
Папоротник изнемог,
Он к земле припик, дрожащий...
Зря крадется ветерок
В разгремевшиеся чащи.
Он — к своим. Но где свои?
Я молчу, спастись не чая:
Беспощадны соловьи,
Пламень сердца расточая.
Прерывающийся плач
Оскорбленной насмерть страсти
Так беспомощно горяч
И невольной полон власти.
Он взмывает, он парит,
А потом одно и то же:
Заикающийся ритм,
Пробегающий по коже...
В заколдованную сеть
Соловей скликает звезды,
Чтобы лучше рассмотреть,
Чтоб друзьям дарить под глезда...

То ли праздная игра,
То ли это труд бессонный,—
Трепетанье серебра,
Вопли, выплески и стоны,
Ночь с надклеванной лупой,
Бор, что стал внезапно молод,
И, просвистанный, сквозной,
Надо всем царящий — холод.

1929

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗНАКОМСТВА

Возник из тьмы,
Бледнел и близился почти неслышно,—
Обломок льда чудесных очертаний:
Совсем как человек. В твоей груди
Дремало пламя. Тихо пробуждаясь,
Вытягивалось, трогало гортань.

И голос твой,
Тяжелое тепло прижав, густея,
Размеренно над нами колыхался,
То удлиняясь, то сжимаясь в стих.
Суровым словом вызванные к жизни,
Ворчали и ворочались века.

И чудилось:
Стихи свои приносишь ты из края,
Где звезды негоревшие томятся,
Где сказки нерассказанные ждут,
Где чьи-то крылья бьются о решетку
И смерть сидит, зевая на луну.

Ты уходил,
На звезды мертвые легко ступая.
С бесплатным приложением событий,
Опять по росту строятся века.
Похрустывали под погами звезды.
О, как ты не поранил нежных ног!
Ты врос во тьму.

Тебя не ждали и не вспоминали.
Но дивное свершилось превращенье —
Ты к нам пришел как смертный человек.
(Иль пламя затаенное проснулось
И разбудило стыпящую плоть?)

Не ведаю.

По помню я, что встретились мы в полдень,
Мы встретились на пыльном тротуаре,
Ты еле нес тяжелый чемодан.
(Наверно, звезды, сказки, перстень смерти,
Зуб колдуна, живой змеинный глаз...)

И стал как все.

Ты служишь в Сельхозгизе,
Обедаешь в общественной столовой,
И в комнате есть у тебя постель
Для страсти, сна, бессонницы и смерти.
Но ты поэт и, значит, — чародей.

Твоя душа

Кольшется неслышным опахалом,
Сокровищем загробного Египта,
И поверяет в алчущую почву
О небе, где одно сплошное солнце,
И о земле, затерянной в песках.

1929

СТАРОСТЬ

Смысл старости печален и суров:
За радость покарать, унижить наказаньем...
Так, вместо возбуждающих смешков —
Разбухшие мешочки под глазами.

Нет на ладонях ласк. Ослабли пульсы зла.
Любимый отошел — не вскрикнула от боли...
Так ревность ревматизмом заросла
В суставах, не сгибающихся боле.

И вместо властных слов — пеленый лепет льнет
К обрюзгшим деснам... Сморд оплывшему огарку
Прощаешь, мимо чашки капляешь йод
И желчью харкаешь на старую кухарку.

На столике — и пластырь и псалтырь...
(Твоей ли пластике рукоплескали?..)
За окнами — постылое: пустырь,
Да почь насмешливые звезды скалит...

1929

Ты пьяно спишь, полуодетый,
Не накренишь рукою борт
Плавушей дряни...

Смело воры

Кромсают колесом волну.
Ты их не позовешь ко дну,
Не вступишь с ними в разговоры
Неравные...

Пускай враги

Плывут спокойно над тобою...
Во сне ты чувствуешь круги
Воды испуганной, но к бою,
Но к штормам с шрамами на дне,
Но к буре с пеной на спине —
Влеченья нет...

Несчастный Рьявол!

С какой волной ушла душа?
Ты море Черное исплавал,
Захлебываясь и спеша,
Но волны — все одни и те же.
Ты ослабел и стал все реже
Метаться. Ты залег на дно.
Ни слез, ни гнева — все равно.

Но отзовись мне, бог безвестный!
Проснись хоть раз, одетый бездной,
Безумный бог!

И я живу,

Темнея от бессильной жажды,
Как жаждет пробужденья каждый,
Кто заколдован наяву.

МУЗА

Когда я ошибкой перо окуну,
Миную чернильницу, рядом, в луну,—
В ползучее озеро черных ночей,
В заросший мечтой соловьиный ручей,—
Иные созвучья стремятся с пера,
На них изумленный палет серебра,
Они словно птицы, мне страшно их брать,
Но строки, теснясь, заполняют тетрадь.
Встречаю тебя, одичалая ночь,
И участь у нас, и начало точь-в-точь —
Мы обе темны для неверящих глаз,
Одна и бессмертна отчизна у нас.
Я помню, как день тебя превозмогал,
Ты помнишь, как я откололась от скал,
Ты вечно сбиваешься с млечных дорог,
Ты любишь скрываться в расселинах строк.
Исчадье мечты, черновик соловья,
Читатель единственный, муза моя,
Тебя провожу, не поблагодарив,
Но с пеной восторга, бегущей от рифм.

1930

ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ

Когда из рук моих весло
Волною выбило, меня
Крутило, мучило, несло
Безумие водоогня.
Я душу предала волнам,
Я сил небесных не звала,
Не знаю, как возшкли там —
Вздымая небо — два крыла.
По волнам течи пронеслись,
И замер разъяренный хор...
Очнулась я.

Медузья слизь,
Песок да пена... До сих пор
Я в жизнь поверить не могу,
В моей груди кипела смерть,
И вдруг на тихом берегу
Я пробудилась, чтоб узреть
Черты плешительной земли,
Залив, объятый тишиной,
Одни гробницы гор вдали
Напомнили край иной.
Направо — мыс: глубоко врыт
В золото-серые пески
Священный ящер, будто скрыт
От тягостной людской тоски.

То — пращур тишины земной,
Прищуренных на небо глаз.
Он как бы вымолвит: «За мной —
Я уведу обратно вас!»
Солдцебпенье синих волн,
Хоть на мгновение остынь,
Чтоб мир был тишиною полн
И жил движением пустынь.
Должна далее... Такой
Я не видала никогда, —
Здесь в еле зыблемый покой
Переоплаваются года,
И времени над нею нет,
Лишь небо древней синевы
Да золотой веселый свет
В косматой седине травы...

1931

СКАЗОЧКА

Наверху — дремучий рев,
Но метели я не внимлю,—
Сладко спится под землей.
Дрема бродит меж дерев,
Да постукивает землю
Промороженной змеей.

Зиму — пролежу молчком,
Летом — прогляну в бурьяне,—
Ни о чем не вспомню я.
Раздвоенным язычком
Темно-синее сиянье
Выжгла на сердце змея.

И не с этой ли змеей
Дрема бродит падо мной?

1931

* * *

А на чердак — попробуй один!
Здесь тишина всеобъемлющей пыли,
Сумрак, осевший среди паутины,
Там, где когда-то его позабыли.
От раскаленных горячих крыш
Сладко и тошно душе до отказа.
Спит на стропилах летучая мышь,
Дремлет среди хлама садовая ваза.
Ваза разбита: но вижу на ней,
Не отводя восхищенного взгляда,—
Шествие полуодетых людей
С тяжкими гроздьями винограда.
Дальше — слежавшаяся темнота,
Ужасы, что накопились годами,
Дрема, и та, без названия,— та,
Что отовсюду следила за нами.
Нет, я туда подойти не смогу.
Кто-то оттуда крадется по стенке,
Прыгнул!.. Но я далеко,— я бегу,
Падаю и расшибаю коленки...
Помню и лес, и заросший овраг,—
Было куда изумлению деться.
Все — незабвенно, но ты, чердак,
Самый любимый свидетель детства.

.

* * *

В угоду гордости моей
Отвергнула друзей,
Но этих — ветер, почь, перрон —
Не вымарать пером.

Они дрожат в сияньи слез,
А плачут оттого,
Что слышат возгласы колес
Из сердца моего.

Но током грозной тишины
Меня пронзает вдруг,
И тело — первый звук струны,
А мысль — ответный звук.

Я узнаю мой давний мир —
Младенчество земли,
И ребра, струны диких лпр,
Звучащие обрели.

Певуче движется душа
Сплетениями вен,
И пульсы плещут не снеша
Пленительный рефрен.

Во тьме растет неясный гуд,
Во тьме растут слова,
И лгут они или не лгут,
Но я опять жива.

И вповь иду с мечтою в рост,
В созвучиях по грудь.
Заливистая свора звезд
Указывает путь.

1931

* * *

Неукротимую тревогой
Переполяется душа.
Тетради жаждущей не трогай,
Но вслушивайся не дыша:

Тебя заставит чья-то воля
Ходить от стула до степы,
Ты будешь чувствовать до боли
Пятно в луне и плеск волпы,

Ты будешь любоваться тенью,
Отброшенной от стихов,—
Не человек и не смятеье:
Бог, повергающий богов.

Но за величие такое,
За счастье музыкаю быть,
Ты не найдешь себе покоя,
Не сможешь ничего любить,—

Ладони взвешивали слово,
Глаза следили смену строк...

С отчаяньем ты ждешь бывшего
В негаданный, неожиданный срок,

А новый день беззвучен будет, —
Для сердца чужд, постыл для глаз,
И ночь наставшая забудет,
Что говорила в прошлый раз.

1931

АКВАРЕЛИ ВОЛОШНА

О как молодо водам под кистью твоей,
Как прохладно луне под спокойной рукой!..
Осиявший серебряной сенью кудрей,
Возникал в акварелях бессмертный покой.
Я всем телом хотела б впитаться туда,
Я забыла б свой облик за блик на песке.
Легкий след акварели, сухая вода,
Я пила бы на этом бумажном листке.
И, влюбленно следя за движением век,
Озаренная ласковым холодом глаз,
Поняла б наконец, что любой человек
Этот призрачный мир где-то видел хоть раз.
Но когда? Я не знаю, и вспомнить не мне.
Это было в заоблачной жизни души,
А теперь — еле брезжит, чуть мнится во сне...,
Ты, бесстрашно прозревший, свой подвиг сверши.
Воплоти, что в мечтахъх господь созерцал:
Бурногорье, похожее на Карадаг,
Где вода словно слиток бездонных зеркал,
Где луна лишь слегка золотит полумрак.
Ты заблудшую душу отчизне верни,
Дай мне воздухом ясным проникнуть везде.
Я забуду земные недолгие дни,
Я узнаю бессмертье на легком листе.

1932

* * *

Мне вспоминается Бахчисарай...
На синем море — полумесяц Крыма.
И Карадаг... Самозабвенный край,
В котором все, как молодость, любимо.

Долины сребролупная польшь,
Неостывающее бурногорье,
Медлительная тишина пустынь,—
Завершены глухим аккордом моря.

И только ветер здесь неукротим:
Повсюду рыщет да чего-то ищет...
Лишь море может сговориться с ним
На языке глубоковерстой тьмыщи.

Здесь очевиднее и свет и мрак
И то, что спор их вечный не напрасен.
Расколотый на скалы Карадаг
Все так же неразгаданно прекрасен...

ЛЕСНОЕ ДНО

О, чаща трепещущей чешуи,
Мильоннозеленое шелестенье,
Мне в сердце — серебристые бризы твои,
В лицо мне — твои беспокойные тепи.

Я зыбко иду под крылатой водой,
Едва колыхаюсь волнами прохлады.
Мне сел на ладонь соловей молодой,
И дрожью откликнулись в листьях рулады.

Я вижу сосны неподвижный коралл,
Увеччанный темноигольчатой тучей...
Кто мутным огнем этот ствол покрывал?
Кто сучья одел в этот сумрак колючий?

Я знаю, под грубой корою берез
Сокрыта прозрачайшая сердцевина.
Их ветви склонило обилие слез,
Зеленых, как листья, дрожащих невинно,

И памяти черные шрамы свежи
На белых стволах... Это — летопись леса.

Прочешь лишь пачало — и схлынет с души
Невидимая вековая завеса.

И вдруг засветился мгновешним дождем
Весь лес, затененный дремучими снами...
Как горько мы жаждем, как жадно мы ждем
Того, что всегда и везде перед нами!

1932

* * *

Стихов ты хочешь? Вот тебе —
Прислушайся всерьез,
Как шепелявит оттепель
И как молчит мороз.

Как воробьи, чирикая,
Кропят следками снег
И как метель великая
Храпит в сугробном сне.

Белы надбровья веточек,
Как затвердевший свет...
Февраль маячит светочем
Предчувствий и примет.

Февраль! Скращенье участков,
Каких разлук и встреч!
Что б ни было — отмучайся,
Но жизнь сумей сберечь.

Что б ни было — храни себя.
Мы здесь, а там — ни зги.

Моим зрачком пропизывай,
Моим пыланьем жги,

Живи двойною силою,
Безумствуй за двоих.
Целуй другую милую
Всею жаром губ моих.

КОНЕЦ ГОДА

Не до смеха, не до шуток,—
Для меня всего страшней
Этот узкий промежуток
В плотной толще зимних дней.

Та же кружит непогода,
В тех же звездах мерзнет свет,
Но умолкло сердце года,
И другого сердца нет.

Триста шестьдесят биений,
И впоследствии — шесть иль пять,
А потом — в метельной пепе
Задышаться, умереть.

Это вздор. А кроме шуток,
Страшен так, что пету сил,
Напряженный промежуток
От рождений до могил.

1932—1933

К ЖИЗНИ МОЕЙ

О задержись, окажи мне милость!
Помнят же звери путаный след.
Дай мне понять, когда же ты сбилась,
Как ты, плутая, сошла на нет?

Детство?.. Но лишь отрешенным внимаьем
Разшилась я, да разве лишь тем
Гневом бессильным при каждом обмане,
Ленью в играх, скучною всем,

Медленным шагом, взором серьезным...
Мало ль таких, и чуднее, чем я.
О задержись, быть может, не поздно!
Где заблудились мы, жизнь моя?

Как ты пленилась тропинкой окольной?
Может, припомнишь гибельный миг?..

Вот я, как все, за партою школьной,
Только веселья чужда... Из книг

В сердце ворвался, огнем отрясаясь,
Темный, страстями мерцающий мир.

Бледная, в длинных одеждах, босая,
Девушка клопится к волпам...

Шекспир, —

Ты не Офелией, не Дездемоной,
Ричардом Третьим и Макбетом ты,
Грозными кознями, окровавлённой,
Дикой луною будил мечты...

Кончена школа — разверзлась бездна.
Что ужасало тогда — не пойму.
Слишком уж ты была неизвестна,
Слишком была неподвластна уму...

Жизнь моя, где же наша дорога?
Ты не из тех, что идут наизусть.
Знаешь, затворница, недотрога, —
Есть ведь такое, чем я горжусь.
Да, я горжусь, что могла ни на волос
Не покривить ни единой строкой,
Не напрягала глухой мой голос,
Не вымогала судьбы другой.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Что может быть грустней и проще
Обобранной ветрами рощи,
Исхлеставших дождем осип...
Ты оставался здесь один
И слушал стоющие скрипы
Помешанной столетней лины.

Осенний лед, сковавший лужи,
Так ослепительно сверкал
Зарей вечернею... Бокал —
Огонь внутри и лед снаружи —
Ты вспомнил... (Он последним был,
Соединившим хлад и пыл.)

Той рощи нет. Она едва
Успела подружиться с тенью,
И та училась вдохновенно, —
Сгубили рощу на дрова.
Для радости чужих дорог
Три дерева господь сберег.

Их память крепко заросла
Корой, дремотой и годами,
Но в гулкой глубине дупла

Таят, не понимая сами, —
Свет глаз твоих, тепло руки
И слов неясных ветерки.

Несчастные! Какая участь!
Но пред тобой не утаю —
Завидую, ревную, мучусь...
Я отдала бы жизнь мою,
Чтоб только слышать под корой
Неповторимый голос твой.

Легучим шагом Аполлона
Подходит вечер. Он вчерне
Луну, светящую влюбленно,
Уже заметил, — быть луне
Под легкой дымкою тумана
Печальной, как твоя Татьяна.

Дорогой паизусть одной
Ты возвращаешься домой.
Поля пустышны и туманы,
И воздух как дыхание Анны,
Но вспыхнул ветер сквозь туман —
Бессмертно дерзкий Дон Жуан.

В бревенчатой теплыни дома
Тебя обволокла истома
Усталости... Но вносят свет,
Вино, дымящийся обед.
Огнем наполнили камин,
Прибрали стол, и ты — один.

Ты в плотном облаке халата,
Но проникает сквозь халат —
Тяжелый холод ржавых лат

И жар, струящийся от злата...
Ты снова гредишь наяву,
А надо бы писать в Москву.

На сколько душу ни двой, —
Что письма нежные твои,
Прелестные пустые вести,
И что — влечение к невесте,
И это ль властвует тобой,
Твоей душой, твоей судьбой!..

Во влажном серебре стволов
Троились отраженья слов,
Еще не виданных доньше,
И вот в разгневанном камине —
Внутри огня — ты видишь их
И пламя воплощаешь в стих.

С тех пор сто лет прошло. Никто
Тебе откликнуться не в силах...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Арсений Тарковский. Тайна Марии Петровых 3

СТИХИ 40-х ГОДОВ

«Год, в разлуке прожитый...»	7
«Мы смыслом юности влекомы...»	8
«Ты думаешь, что силою созвучий...»	10
«Не взыщи, мои признанья грубы...»	11
«Люби меня. Я тьма кромешная...»	12
«Говорят, от судьбы не уйдешь...»	13
«Я думала, что ненависть — огонь...»	14
«Не плачь, не жалуйся, не надо...»	15
«Глубокий, будто темно-золотой...»	17
«Ветер вост, ветер свищет...»	18
«Когда на небо сплесе...»	19
«Проснемся, успем ли — война, война...»	21
Апрель 1942 года	23
«Завтра день рожденья твоего...»	24
Севастополь	25
Ночь на 6 августа	27
Осенние леса	29
«Липы в буре — приют и спасенье...»	32
Чистополь	33
«Мы начинали без заглавий...»	35
«Какое уж тут вдохновение, — просто...»	37
«У меня большое горе...»	38
«— Но в сердце твоём я была ведь?...»	40
«Знаю, что ко мне ты не придешь...»	41
«По разве счастье взять руками голыми?...»	42
«Молчи, я знаю, знаю, знаю...»	43
«Что же это за игра такая?...»	44
«Весна и снег. И пробудный...»	45

СТИХИ 50-х ГОДОВ

«Назначь мне свиданье...»	46
«Зима установилась в марте...»	48
«За окном шумит листва густая...»	49
Сказка	51
«Какой обильный снегопад в апреле...»	54
«Бредешь в лесу, не думая, что вдруг...»	56
«Смертный страх перед бумагой белой...»	57

Надпись на портрете (<i>Мадригал</i>)	59
«Я равна для тебя пулю...»	60
Размолвка	61
«За что же изничтожено...»	62
«У твоей могилы вечный непокой...»	63
«Мы рядом сидим...»	64
«Скорей бы эти листья облетели!..»	65
«Скажи — как жить мне, как мне жить...»	66
«Ты не становишься воспоминанием...»	67
«После долгих лет разлуки...»	69
Черта горизонта	70
«Не за то ли, что только гроза...»	71
Сон на рассвете	73
«Кузнечики... А кто они такие?..»	75
«Пылает отсвет красноватый...»	76
В минуту отчаянья	77
«Ты думаешь — правда проста?..»	78
«Ты отнял у меня и свет и воздух...»	81
«И лишь в редчайшие мгновенья...»	82
«К твоей могиле подойду...»	83
«Постылых «ни гугу»...»	84
Дальнее дерево	85
«Если говорить всерьез...»	87

СТИХИ 60-х ГОДОВ

«О чем же, о чем, если мир пообъятен?..»	88
«Ты что ни скажешь, то солжешь...»	89
«Что ж, если говорить без фальши...»	90
Плач китежанки	91
«Сквозь сон рванешься ты померяться с судьбою...»	92
«Нет, мне уже не страшно быть одной...»	93
«Но только и было что взгляд издалека...»	94
«Куда, коварная строка?..»	95
«Не отчаивайся никогда...»	96
Горе	97
«Давно я не верю надземным широтам...»	98
«Ужаснусь, опомнившись едва...»	99
«Прикосновенье к бумаге...»	100
«На свете лишь одна Армения...»	101
«Оглянусь — окаменею...»	103
«Подумай разве в этом дело...»	104
«— Черный ворон, черный вран...»	105

«Судьба за мной присматривала в оба...»	106
«О, какие мне снились моря!..»	107
«Что делать! Душа у меня обнищала...»	108
«Пожалейте пропавший ручей!..»	109
«Одна на свете благодать...»	110
«Что толковать! Остался краткий срок...»	111
«Сердцу ненавидеть непривычно...»	112
«Пусть будет близким не в упрек...»	114
«Ни ахматовской кротости...»	115
«Страшно тебе довериться, слово...»	116
«О, ветром зыблемая тень...»	117
«Немого учат говорить...»	119
«А ритмы, а рифмы левемо откуда...»	120
«О сердце человецье, ты все в кровоподтеках...»	121
«Есть художник неподкупный...»	122
«Осень сорок четвертого года...»	123
«Сверчок поет, запрятавшись во тьму...»	124
«Легко ль понять через десятки лет...»	125
Молитва лесу	126
«Я живу, озираюсь...»	127
«Нас предрассветная заря...»	128
Эскиз к портрету	129
Надпись на книге	130
«По мне лишь так: когда беда настанет...»	131
«Ты говоришь: «Я не творила зла...»	132
«Я здесь любила все как есть...»	134
«Взгляни — два дерева растут...»	135
«Пустыня... Замело следы...»	136

СТИХИ 70-х ГОДОВ

«Сказать бы, слов своих не слыша...»	137
Болезнь	138
«К своей заветной цели...»	139
«Когда слагать стихи талапта пет...»	140
Завещание (<i>Отрывок</i>)	141
«На миру, на юру...»	142
Тревога	143
«Одно мне хочется сказать поэтам...»	144
Лететь	145
Тополя (<i>Превращения</i>)	146
Рылеев	148
Перед картиной Саврасова (<i>Весна в детстве</i>)	149

Польские поэты	151
Редактор	152
«Как были эти годы хороши...»	153
«Разбила речка поутру...»	154
«И ты беспилец, как бессилец каждый...»	155
Бессонница	156
«Неужели вот так до конца...»	157
О птицах	158
«Красотка, перед зеркалом вертись...»	160
«Озираясь, в дверь пролез...»	161
«Что печального в лете?...»	162
«Когда молчанье перешло предель...»	163
«Я ненавижу смерть...»	164
«Боже, какое мгновенье лето...»	165
«И вдруг возникает какой-то папав...»	166
«Нет несчастней того...»	167

ИЗ РАННИХ СТИХОВ

Ночь	168
Звезда	169
«Полднечное солнце дрожа растеклось...»	171
Ранняя утрата	172
Море	174
Соловей	176
История одного знакомства	178
Старость	180
Рьявол	181
Муза	183
Из непанисанной поэмы	184
Сказочка	186
«А на чердак — попытайся один!»	187
«В угоду гордости мой...»	188
«Неукротимую тревогой...»	190
Акварели Волошина	192
«Мне вспоминается Бахчисарай...»	193
Лесное дно	194
«Стихов ты хочешь? Вот тебе...»	196
Конец года	198
К жизни моей	199
Болдинская осень	201

Составители:
Ника Николаевна Глен
Арина Витальевна Головачева

Мария Сергеевна Петровна

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

М., «Советский писатель», 1983, 208 стр.
План выпуска 1983 г. № 199

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редактор *Т. С. Казовская*
Корректор *М. Б. Шварц*

ИБ № 3598

Сдано в набор 05.04.83. Подписано к печати 02.06.83. А 04555. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага мелованная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,10. Уч.-изд. л. 4,79. Тираж 20 000 экз. Заказ № 262. Цена 70 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109

70 к

Г